

ГОЛОС ЗАРУБЕЖЬЯ

55

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Протоиерей Д. Константинов. Богоявление Господне	1
В. Рудинский. Глазами врагов и друзей	2
В. Миклашевский. Ответ на критику	6
А. Альмог. Вспоминая Уотергейт	10
В. Рудинский. Обзор зарубежной печати	15
В. Пирожкова. Воссоединение Германии ?	22
Т. Мяннович. Кое-что для лучшего понимания происходящего в Польше	26
Е. Кармазин. Оппозиционные заметки	31
В. Пирожкова. Потерянное поколение	33
И Н Ф О Р М А Ц И Я	39
В. Пресковский. 7 ноября в Ленинграде через 72 года	44
Воззвание к русской национальной общественности	46
Е. Веденеева. Торжество в Париже	47

ГОЛОС ЗАРУБЕЖЬЯ

№55

Декабрь 1989

Мюнхен

Протоиерей Д. КОНСТАНТИНОВ

БОГОЯВЛЕНИЕ ГОСПОДНЕ

Две тысячи лет празднует человечество Рождество Христово. Празднует весьма по-разному: кто по-христиански, кто по-язычески, кто просто по-атеистически. Это последнее — не описка. Есть люди, и их совсем немало, которые не верят ни в Бога, ни в Христа, но, пользуясь случаем и установившимися обычаями, проводят весело время за рождественским столом, фактически эксплоатируя веру в Бога или приверженность к обряду других.

Празднуем мы Рождество Христово две тысячи лет. Но если в наши дни начать спрашивать празднующих об особенностях этого праздника или о его историческом прошлом, то можно обнаружить не вполне точные представления об этом великом христианском празднике.

Празднуем мы в настоящий день Рождество Господа нашего Иисуса Христа в Вифлееме от Приснодевы Марии. Начало установления этого праздника принадлежит древней, тогда еще единой христианской Церкви, к первым временам ее деятельности. По мнению церковных историков и богословов, праздник Рождества Христова древнее в церквах западных, чем в восточных. Там он начал праздноваться раньше; праздновали его 25 декабря. В церквах же восточных, до начала IV века, он праздновался 6 января и назывался БОГОЯВЛЕНИЕМ. Смысл этого слова понятен: речь идет о явлении Бога людям, о воплощении Сына Божия чрез Пречистую Деву Марию. Бог становится человеком, облекается плотью, становится в этом отношении подобным нам. Речь идет о явлении Бога во плоти, откровении и снисхождении во Христе и через Христа божественной благодати.

Почему был выбран день 6 января? В богословской литературе, разъясняющей этот вопрос, указывается, что 6 января является не исторической датой рождения Господа, которая осталась неизвестной, а таинственное понимание соотношения между первым (библейским) Адамом, явившимся виновником греха и смерти, и Начальником жизни и спасения Вторым Адамом, т. е. Христом. По

мнению древней христианской Церкви, Второй Адам родился и умер в тот же день, в который был сотворен и умер первый Адам, в шестой день, который соответствовал, по мнению отцов Церкви, 6 января первого месяца года.

В 377 году, впервые в Константинопольской Церкви праздник Богоявления или Рождества Христова начал праздноваться 25 декабря. По настоянию императора Аркадия и благодаря энергии святителя Иоанна Златоуста, праздник Рождества Христова начинает праздноваться 25 декабря по всему христианскому востоку. Его единственная цель — прославление Рождества Господа нашего Иисуса Христа во плоти от Пресвятыя Девы Марии, являющее собой всю полноту Богоявления. Впрочем, само название — Богоявление — сохраняется за шестым днем января, когда в эту дату начинают праздновать Крещение Господне, а за 25 декабря остается наименование — Рождество Христово. Календарное разделение этих двух праздников не снимает и не уменьшает значение Богоявления — явления Бога во плоти, в Его Божественном Рождестве и в Крещении. Такова связь всех этих терминов.

Отметим, что в IV веке появились еще и дополнительные причины установления праздника Рождества Христова 25 декабря. В Римской империи 25 декабря отмечался праздник солнца, начинающего возвращаться на лето. Праздник этот был днем самых разнужданных увеселений, не совместимых с христианством. Поэтому в этот день надо было противопоставить христианский праздник языческому разгулу. Возвращающемуся на лето солнцу противопоставляется Солнце Правды Господь Иисус Христос, вступающий в благодатное сродство с нами.

Говоря о Рождестве, мы должны будем сказать, что одним из ложных путей празднования этого дня является увлечение обрядово-бытовой стороной праздника. Мы сохраняем некоторые рождественские обычаи, заглядываем даже в храм Божий, но кульминация нашего празднования бывает обычно за праздничным столом. Нет ничего грехов-

ного в том, что мы отмечаем праздник трапезой. Но плохо то, когда мы злоупотребляем этой стороной праздника, неумеренно пользуемся едой и питьем и по сути дела ограничиваем нашу встречу Рождества этой стороной праздника, зажигаем еще рождественскую елку, присовокупляя к ней рождественские подарки и оправдывая все это стандартным "так принято". Конечно, принято, но ошибка многих заключается в том, что они не понимают или не знают, что все это второстепенно. Что же является главным, спросят нас? Главным является религиозная сторона праздника, его молитвенная настроенность, духовная глубина, понимание того великого, что совершилось две тысячи лет назад в мире. Без этого понимания рождественский праздник является оболочкой, лишенной всякого содержания. Надо понять, что, по слову святых отец, Господь Иисус Христос в Своем Рождестве, в Своем явлении миру, вступает в благодатное родство с нами. И наша задача — быть достойными этого родства, почтить Его пришествие не менее достойно и духовно. Что же это значит? А это означает, что Рождество Христово в первую очередь надо встречать не шумными карнавальными празднествами, не менее "шумными" во всех отношениях встречами за обеденным столом, а приблизиться в эти дни к свету веры, постараться задуматься над тем, что принес в мир праздник Рождества Христова, проявить добрую волю к благочестию, совершить в эти дни ряд добрых дел, проявить милосердие к тем, кто в этом нуждается. Ваше появление в эти дни у постели того или иного больного в госпитале значительно важнее и угоднее Богу, чем бесконечные хлопоты с приготовлением рождественского стола.

Не в богатстве и роскоши, не в славе и великолепии, а в нищете и убожестве вифлеемской пещеры является Господь в мир. Этим показывается нам величие смирения,

нищеты, кротости, простоты, пагубность гордости, во многих случаях богатства, тщеславия и многого другого, обильно бытующего в нашей жизни.

Надо всегда помнить, что первыми о благовестии явления Господа в мире узнали простые вифлеемские пастухи; вторыми были волхвы, люди для того времени ученые и образованные. И простота веры, не умудренная книжными знаниями, а равно и мудрость человеческая, приобретенная многими трудами, одухотворенная верой в Создателя — приятны Господу и Он в Своем Рождестве приемлет и то и другое.

В эти святые дни Церковь в своих богослужениях молитвенно раскрывает таинственные глубины Богоявления, красотой своего богослужения потрясает тех, кто понимает сущность духовного служения Богу и получает молитвенное утешение в храме. К сожалению, не все это приемлют и понимают. Но это понимание дается только в результате усилий человека, в соответствии с его желанием познать им еще не познанное. Это тоже труд, но труд благодатный, открывающий перед нами глубинные тайны праздника Рождества Христова.

"Богоявления Твоего Христе, еже к нам милостивно бывшего, Исайя свет виде не вечерний, от нощи утренавав взываше: се Дева во чреве приимет, и породит воплощаемое Слово и вси земнороднии возрадуются" (Ирмос 5-й песни канона на повечерии предпразднества Рождества Христова).

Этот Свет не вечерний, который увидел пророк, светит везде, где смиренно и с несомненной верою встречают Божественного Богомладенца, светит он сегодня и нам, пришедшим поклониться Ему, светит он здесь и на нашей многострадальной родине, предвозвещая то великое духовное возрождение человечества, которое Промыслом Божиим неслышными, но уверенными шагами приближается с востока...

НА ЛИТЕРАТУРНЫЕ ТЕМЫ

Вл. РУДИНСКИЙ

ГЛАЗАМИ ВРАГОВ И ДРУЗЕЙ

("Николай Гумилев в воспоминаниях современников", Дюссельдорф, 1989)

Многие из содержащихся здесь высказываний тягостно читать. Невольно приходит на память другая позорная страница из истории русской литературы: недостойная травля коллегами молодого Достоевского. Ряд авторов, представленных в книге, говорят о Гумилеве с явным недоброжелательством или — хуже того! — с надменным пренебрежением. И это тем более неприлично (а порою просто смешно!), что из фактов

личность его встает неизменно во вполне положительном свете; тогда как таковая его хулителей, — не всегда.

Кто такой Э. Голлербах? Комментарии нам его описывают как "искусствоведа, литературоведа, критика, поэта". При всем том, его имя уже и сейчас известно и, без сомнения, останется известным потомкам только вот потому, что он смог кое-что рассказать о подлинном большом поэте, с

которым был (отнюдь не близко) знаком. Вроде, скажем, С. Комовского, тем одним и знаменитого, что являлся "лицейским товарищем" Пушкина и оставил о нем довольно вульгарные и грубоватые воспоминания. Но Голлербах даже не учился ни в одном классе, ни хотя бы в одной школе с Гумилевым; и видел его в детстве лишь издали.

Он неодобрительно замечает, что Николай Степанович, будучи учеником Царскосельской Николаевской гимназии, "усердно ухаживал за барышнями". Грех не велик; не за мальчиками же ему ухаживать! Специально шокирует Голлербаха, что ухаживал-то он за гимназистками. Но за кем же ему надлежало? За горничными? Актрисами? Дамами бальзаковского возраста? Мы даже знаем ведь имя гимназистки, за которой он главным образом тогда ухаживал: Анна Горенко, которая впоследствии стала его женой.

Наивны и насмешки зоила над первыми литературными опытами юного стихотворца: оные доказывают лишь его упорство, — качество, необходимое для успеха даже самому одаренному от природы человеку, в любой сфере.

Совсем уж пошлы рассуждения, что Гумилеву де всю жизнь оставалось 16 лет, и что: "Затерянные, побледневшие слова "победа", "подвиг", "слава" звучали в его душе как громы медные, как голос Господа в пустыне". Для настоящих мужчин такие слова пребудут полными значения вечно.

Конечный вывод Голлербаха сводится к тому, что: "Гумилев не был ни в каком смысле слова велик. И не был гениален". Покамест слава паладина музы дальних странствий, героя, отдавшего жизнь за свои убеждения, растет из года в год, хотя он до сих пор еще недостаточно оценен. А слава Блока, которого ему противопоставляет Голлербах, наоборот, понемногу тускнеет (что отчасти связано с крайней несостоятельностью его политических и моральных воззрений).

Позже, когда Голлербах, в рецензии на сборник "Дракон", позволил себе какие-то гадости, приплетая И. Одоевцеву, Гумилев сказал ему, абсолютно за дело, что он не джентльмен. Тот пытался судиться судом чести, но не получил удовлетворения. Дальнейшие еще пакости "литературный критик" сочинил в момент, когда Гумилев находился уже под арестом, — и они появились в печати одновременно с сообщением о расстреле писателя...

В данном случае, нельзя не согласиться с А. Ахматовой, советовавшей (см. "Вестник Р.Х.Д." № 156): "не слишком верить такому Голлербаху".

А. Белый с видимым удовольствием вспо-

минает о безобразном эпизоде в Париже, когда З. Гиппиус (при его содействии) встретила насмешками еще не завоевавшего в ту пору известности 20-летнего литератора, пришедшего с визитом к Мережковскому. Сам пострадавший подробности происшествия изложил с беззлобным юмором в письме к Брюсову, который дал ему рекомендацию к Мережковским и таким образом явился невольным виновником случившегося. Гиппиус, очевидно, обладал незавидным искусством хамски принимать и жестоко оскорблять обращавшихся к ней начинающих поэтов, от Гумилева до Есенина. На ее беду, некоторые из них проявили себя потом светилами первой величины, безусловно превосходящими собственное ее скромное дарование.

Когда над Гумилевым глумится ничтожный Голлербах, можно пожать плечами. Но грустно читать сходные по тону сентенции из-под пера С. Маковского, который сам был не лишенным таланта поэтом. Я с Сергеем Константиновичем был знаком, в последние годы его жизни, в условиях эмиграции, во Франции. Он представлял собою русского интеллигента, неплохо образованного, но безусловно не располагавшего той широкою общей культурой и той разносторонней эрудицией, какие видны в творчестве Гумилева. Поэтому комично выглядят его запоздалые свысока наставления по адресу бывшего соратника по журналу "Аполлон":

"Гумилев любил книгу, и мысли его большею частью были книжные, но точными знаниями он не обладал ни в какой области, а язык знал только один — русский, да и то с запинкой", — пишет Маковский. Тут каждая строчка, почти что каждое слово, — неправда, которую и опровергать не стоит.

Все это нужно автору для странной цели, поставленной им себе: создать свой образ Гумилева; превратив его из "конквистадора, завоевателя Божьего мира и певца земной красоты" (каким он и был) в "мечтательного и романтически-скорбного лирика". Из той же порочной концепции вытекает последующий вздор. В Африку, оказывается, Гумилев ездил из подражания Рембо, "Капитаны" — стихотворение "трескучее" и т. д., и т. п.

Слепой к творчеству Гумилева, не менее слеп Маковский к его личной жизни, о коей пространно толкует. Пристрастно расположенный в пользу Ахматовой, он фальшиво считает ее единственной любовью Гумилева, и вовсе незаслуженно ее идеализирует.

Мы теперь знаем (на основе ее писем и показаний современников), что она-то Гумилева никогда не любила, вышла за него замуж из-за своих собственных амурных неудач с другими, и в поисках самостоятельности, в виде освобождения от семьи, и

бросила его по первому капризу и вопреки его воле ради незначительного Шилейко; притом же, 3 года колебаний перед браком зависели от нее, а не от искренне тогда ею увлеченного Гумилева. Изображать Анну Андреевну как обиженную сторону в данном конфликте, — коренным образом не соответствует действительности.

Что же до точных знаний и прочего, отметим, что сам-то Маковский путает мсье Журдена с Жордем Данденом (стр. 69) и превратно подменяет влиянием "Бодлера, Верлена, Ренье и Рембо" отчетливо уловимое у Гумилева влияние Жозе-Марии де Эредии.

Преданность Ахматовой, вероятно, продиктовала Маковскому и поразительные по дурному вкусу насмешки над любовью Гумилева к Елене, которой посвящен дивный цикл стихов "К Синей Звезде", и которая, можно полагать, как раз и вызвала у него самое сильное в жизни чувство.

В иную атмосферу мы погружаемся при чтении статьи В. Ходасевича. Он о Гумилеве говорит без враждебности, хотя и с налетом мало уместной иронии, и сохраняет для нас довольно важные минуты из его жизни, в частности из вечера перед самым арестом. Однако, удивляют нас неожиданные его откровения, вроде того, что Гумилев "не подозревал, что такое религия" (хотя и "не забывал креститься на все церкви"). Почему Ходасевич уверен, будто лучше понимает суть религии? И как досадно, что он нам не поясняет, в чем же это понимание состоит!

По счастью, в разбираемой книге налицо и другая группа свидетельств, — людей, искренне расположенных к Гумилеву и склонных рассказывать о нем правду. К их числу, неожиданно, принадлежит А. Н. Толстой, фигура в целом-то не слишком симпатичная. Правда, это еще Толстой до грехопадения, того периода, пока он был белым эмигрантом. Поставим ему в заслугу набросанные им картины из биографии Николая Степановича, выдержанные в дружеских и честных тонах.

Он к тому же освещает как раз кое-какие события, касающиеся его приятеля по Парижу и Петербургу, о которых существуют и повторяются из уст в уста ложные версии. Например, воспроизводя историю с Черубиной де Габриак и с последующей дуэлью Гумилева с М. Волошиным, он подчеркивает, что Гумилев ни в чем не был виноват, тогда как некоторые мемуаристы пытались ему приписать раскрытие псевдонима сей романтической мифоманки.

О том же самом, впрочем, повествует тут же И. фон Гюнтер, который и явился подлинным разоблачителем Черубины (о какой он отзывался с несколько странной даже враждебностью). Очень краткий отрывок

из воспоминаний Волошина не вносит полной ясности в дело.

Загадочным остается образ Е. Димитриевой, о которой очевидцы судят по-разному. С. Маковский описал ее как почти уродливую и, во всяком случае, внешне непривлекательную. Напечатанный недавно в журнале "Нева" ее портрет отнюдь этого не подтверждает. И, как бы то ни было, надо признать, что она пользовалась у мужчин чрезвычайным успехом. Гумилев, тогда еще холостой, был в нее влюблен и несколько раз делал ей предложения. Но она предпочла вступить в связь с Волошиным, а Гумилева, как она сама выражается в своих записках, продолжала дразнить. В то же время у нее имелся и официальный жених, врач В. Васильев, с кем она позже и вступила в брак. Да и с Гюнтером, если верить прозрачным намекам сего последнего, у нее были интимные сношения.

Между прочим, когда Толстой упоминает о младшем брате Гумилева (обстоятельство, поставившее в тупик комментаторов), он, без сомнения, имеет на самом деле в виду племянника поэта, Колю Сверчкова.

Выпишем характеристику, какую дает своему покойному другу Толстой. Она — в прямом противоречии с представлением о нем Маковского, несмотря на то, что, парадоксально, выражена в почти тех же самых словах:

"Мечтатель, романтик, суровый учитель, поэт"... К чему автор присовокупляет: "Хмурая тень его, негодуя, отлетела от обезображенной, окровавленной, страстно любимой им Родины"...

Н. Оцуп, малодаровитый ученик блестящего учителя, вспоминает о своем мэтре с пламенным обожанием, за что можно ему многое простить; в частности, нудное многословие, совершенно неверный взгляд на отношения между Гумилевым и Ахматовой и тупо глубокомысленные размышления о творчестве поэта.

В остальном, в тексте его заметки, наряду с сомнительными, попадаются верные и меткие оценки вещей.

"Гумилев был человек простой и добрый. Он был замечательным товарищем"... "Пленительная это фигура, одна из самых пленительных в богатой замечательными людьми русской поэзии"... "Это — поэт глубоко русский, не менее национальный, чем Блок".

И, наконец, приводя две строки из Пушкина:

Есть упоение в бою

И бездны мрачной на краю,

Оцуп очень удачно их комментирует: "Первая строчка о Гумилеве, вторая о Блоке".

Справедлив, как ни печально, и отзыв

Оцупа о "врагах и так называемых друзьях, которые, конечно, всегда хуже, чем открытые враги", являвшихся источником "скверных шуток и злословия за спиной" поэта.

Наоборот, ошибается Оцуп, сообщая, будто Гумилев недооценил А. де Виньи (набрано почему-то *Винье*; стр. 185), который в самом деле был, конечно, если не "лучшим поэтом Франции", то одним из лучших. Более осведомленная Ахматова уточняет о своем первом муже ("Вестник Р.Х.Д.", № 156): "Он очень увлекался Виньи. Очень любил *"La Colère de Samson"* (я считала, что это очень скучно)".

Ценные сведения можно почерпнуть из коротких заметок В. Немировича-Данченко и А. Амфитеатрова. Они показывают нам, что Гумилев был превосходным конспиратором. В беседах с ними, он не только не выдавал своего участия в заговоре, а даже констатировал, что заговор, в конкретных условиях советского быта, невозможен и безнадежен. Может быть, он так и думал, но считал своим долгом принять участие в попытке, хотя бы и отчаянной, борьбы с большевизмом?

Между тем, он к обоим названным выше писателям относился с симпатией и доверием; но зачем бы он им стал открывать свой секрет? Они были уже люди пожилые, и притом иных, чем он, убеждений; если заговор носил монархический характер, то их и неуместно было туда вовлекать.

С Немировичем-Данченко его сближало то, что тот тоже странствовал немало по Африке, хотя и по другим, чем он, областям (Марокко, Сахара, Тимбукту), да и вообще по свету (Испания, Италия, Балканы...). Важны донесенные до нас Немировичем-Данченко слова, произнесенные Николаем Степановичем при одной из их встреч: "И ведь будет же, будет Россия свободная, могучая, счастливая, — только мы не увидим".

Амфитеатрову Гумилев казался далеким от политики. Но именно он нам четко передает политическую позицию поэта: "Он был монархист — и крепкий. Не крикливый, но и нисколько не скрывающийся".

Единственным, кто чуть-чуть не проник в тайну подпольной деятельности Гумилева, была близкая к нему И. Одоевцева, — и по чистой случайности: она заглянула, в его отсутствие, в ящик его письменного стола...

Самая приятная часть трехсот с лишним страничного тома та, на которой отдыхаешь душой, — зарисовки не профессиональных литераторов, а двух женщин, знавших поэта в повседневном быту: невестки — жены его старшего брата — и соседки по имению, А. Гумилевой и В. Неведомской.

Им веришь целиком; и именно по их

свидетельствам мы воссоздаем истинный облик Н. С. Гумилева, физический и моральный. Значительнее, понятно, показания А. Гумилевой, прожившей вблизи Николая Степановича, которого она называет Колей, 12 лет. Вот как она описывает его внешность:

"Вышел ко мне молодой человек 22-х лет, высокий, худощавый, очень гибкий, приветливый, с крупными чертами лица, с большими светлосиними, немного косившими глазами, с продолговатым овалом лица, с красивыми шатеновыми гладко причесанными волосами, с чуть-чуть иронической улыбкой, необыкновенно тонкими красивыми белыми руками. Походка у него была мягкая и корпус он держал чуть согнувши вперед. Одет он был элегантно".

Однако, нам гораздо интереснее еще строки, отражающие внутренний мир Гумилева. "С детства он был религиозным и таким же остался до конца своих дней — глубоко верующим христианином. Коля любил зайти в церковь, поставить свечку и иногда долго молился перед иконой Спасителя. Но по характеру он был скрытный и не любил об этом говорить. По натуре своей, Коля был добрый, щедрый, но застенчивый, не любил высказывать свои чувства и старался всегда скрывать свои хорошие поступки".

Это о годах юности и детства. А вот и портрет Гумилева перед самой гибелью: "Бодрый, полный жизненных сил, в зените своей славы и личного счастья со своей второй хорошенькой женой, всецело отдавшийся творчеству. Ни тяжелые годы войны, ни еще более тяжелая обстановка того времени не изменили его морального облика. Он был все таким же отзывчивым, охотно делившимся с каждым всем, что он имел. Как часто приходили в дом разные бедняки! Коля никогда не мог никому отказать в помощи".

Иными глазами, со стороны, смотрела на Гумилева Неведомская. Он для нее — обворожительный гость, радушный хозяин, источник веселья, зачинщик увлекательных игр и сочинитель остроумных экспромтов, всегда оказывающийся в центре собравшейся случайно на фоне провинциальной жизни помещного дворянства компании молодежи.

Вот каким он запечатлелся в ее сознании: "У него было очень необычное лицо: не то Би-Ба-Бо, не то Пьеро, не то монгол, а глаза и волосы светлые. Умные, пристальные глаза слегка косят. При этом подчеркнуто церемонные манеры, а глаза и рот слегка усмеваются; чувствуется, что ему хочется созорничать и подшутить"...

На этом светлом мазке и закончим нашу рецензию.

В. МИКЛАШЕВСКИЙ

ОТВЕТ НА КРИТИКУ

I

Моя статья "Пушкин и Дантес"¹ указывает на бедственное положение русского литературоведения в Советском Союзе, которое выражено в недобросовестном представлении известных фактов. Среди них, понятно, оказались и факты, относящиеся к истории отношений между Пушкиным и Дантесом. Хотя причины такого положения можно назвать общеизвестными, я все же главную назову ниже. Ничего, кроме указания на недобросовестное представление событий, связанных с дуэлью Пушкина, в моей статье нет. При этом раскрытие смысла этих событий (исторического, философского или религиозного) не входило в мою задачу.

Известное истолкование большевиками прошлого царской России намерено оправдать приход их к власти, представив его как историческую неизбежность (по законам исторического материализма) и, вместе с этим, как избавление русского народа от векового господства бесправия, тьмы, нищеты и других несправедливостей. Это ненавистное отношение большевиков к царской России задано советскому литературоведению как АКСИОМА. Оно и является главной причиной бед (горемычного положения, по словам Артамоновой) советских ученых и пороков в их трудах, потому что (еще раз повторяю слова Пушкина) "нет убедительности в поношениях (хотя бы и вынужденных — В.М.), и нет истины, где нет любви".

Этого моего понимания положения советского литературоведения и советских ученых Артамонова² не усмотрела (или не захотела усмотреть?) в моей статье. И ее слова о моем якобы сильном стремлении "к какому-то огульному осуждению" советского литературоведения (с.164) свидетельствуют об этом. То же следует сказать и о ее напоминании читателю (и в первую очередь, конечно, мне), "что горемычная советская пушкистика не так уж черна" (с.164).

По утверждению Артамоновой, эмигрантская отрасль русского пушкиноведения "горда своей добродетелью" (с.164), а отражением этой гордости явилось мое, названное выше, стремление к огульному осуждению и мое преувеличенное представление пороков (без указания, каких именно) советского пушкиноведения.

Все эти мои прегрешения вызвали возмущение, выразившееся в резких критических замечаниях Артамоновой. Сами же эти замечания, как это ни странно, не содержат в

себе ни одного опровержения фактов, приведенных в моей статье.

Все замечания Артамоновой я, для моего удобства, разделю на две группы: имеющие прямое отношение к моей статье и на написанные по поводу ее. На замечания первой группы я отвечу в разделе III этой статьи. О замечаниях второй группы речь будет в разделе IV.

Вопрос о виновности в смерти Пушкина в моей статье нашел только косвенное отражение в указании на засоренность советского пушкиноведения политическими стереотипами: о Дантесе и его жене, о Н. Н. Пушкиной, об отношении царя к Пушкину, о "придворной клике"... Стереотипы этого рода, как известно, кочуют по страницам советской литературы (включая школьные учебники), являясь официальным представлением и толкованием прошлого царской России и событий того времени. И отражением этих стереотипов является большая часть замечаний Артамоновой в ее статье.

Книге "Пушкин в переписке Карамзиных 1836—1837 годов"³ Н. Артамонова придает очень большое значение и неиспользование ее мною считает одним из главных недостатков моей статьи. Поэтому этой книге я посвящаю весь раздел II.

Владимир Рудинский в "Обзоре зарубежной печати" (Голос Зарубежья, № 48, март 1988, сс. 43—44) верно указывает на досадную ошибку в моей статье "Пушкин и Дантес". В начале ее (с.114) второй абзац (со слов: "Жорж Дантес был внебрачным сыном...") следует заменить следующим текстом:

"Жорж Шарль Дантес родился 5 февраля 1812 года в имении эльзасского барона Жозефа Конрада Дантеса (1773—1852). Мать его, урожденная графиня Мария Анна Гецфельдт (1784—1832), имела значительные родственные связи среди придворной аристократии.

Начальное образование Ж. Дантес получил в колледже в Эльзасе, а затем поступил в Бурбонский лицей в Париже, по окончании которого в 1829 году поступил в военную школу Сен-Сир".

К этому можно добавить, что главным источником для биографии Дантеса все еще остается глава VI в книге П. Е. Щеголева: "Дуэль и смерть Пушкина". 3-е изд. Госизд. М.-Л., 1928.

Названная Рудинским ошибка, повторяю, досадная, но не имеет такого большого значения, которое ей придано в рецензии: она составляет четверть текста. Все остальное

в этой рецензии близко по духу статье Н. Артамоновой. В ней, по мнению Рудинского, приводимые Артамоновой "...отзывы современников о Дантесе и Геккерне (имеется в виду, должно быть, книга "Пушкин в переписке Карамзиных". — В.М.) удачно подобраны и быт в точку" (с.44). Замечаниям об этих отзывах, как указано выше, посвящен раздел II этой статьи.

II

Н. Артамонова пишет о своей статье, что Миклашевский, пользуясь "почти исключительно" (с.155) советскими источниками, при этом "забывает один из главнейших по отношению к своей теме" (с.155). Речь здесь о названной уже книге "Пушкин в письмах Карамзиных".

Я должен разочаровать моего критика: книгу эту я не забыл (она есть у меня), но она в моей статье действительно не названа. Вот несколько замечаний о ней.

Вступительная статья в книге "Пушкин и семейство Карамзиных" написана Н. В. Измайловым. В ней он так пишет о Дантесе:

"С первого же письма появляется и имя Дантеса — близкого приятеля братьев Карамзиных, постоянного посетителя карамзинской гостиной, любимого всей семьей за живость, веселость и остроумие" (с.40). И дальше:

"В глазах Софьи Николаевны Дантес остается лично незапятнанным и достойным если не оправдания, то сочувствия. В этом суждении она решительно разошлась с братом Александром..." (с.46).

Письмо Александра Карамзина к брату Андрею, часть которого приводит в своей статье Артамонова, было ответом на вопрос Андрея из Парижа: "Зачем вы ничего не говорите о Дантесе и бедной жене его?"⁴ Ответ в письме Александра не убедил Андрея: совету брата не подавать руку "убийце Пушкина" он не последовал и свое приятельское отношение к Дантесу и его жене не изменил. Об этом Андрей и пишет в письмах от 8 и 27 июля⁵. Но об этом Артамонова не упоминает.

О характере прапорщика лейб-гвардии конной артиллерии Александра Николаевича Карамзина (1815—1888) Измайлов пишет:

"Перед нами скептик и отрицатель, критически настроенный ко всему, что его окружает: к военной службе, которую он от души презирает и высмеивает, к светскому обществу, над которым он охотно издевается, а иногда и ненавидит, к женщинам, с которыми он подчеркнуто небрежен и дерзок" (с.36).

Этот характер Александра отражен и в приведенной Артамоновой первой половине его письма, которая содержит резкие эмо-

циональные отзывы о лицах, близких к салону его матери:

Н. Н. Пушкина — женщина недалекого ума; Екатерина Гончарова — ужасно глупа и стала еще глупее от счастья после замужества; Дантес — необразованный, приемный сын еврея, желавший почему-то замарать честь Пушкина...

Считать подобные отзывы и сведения, скажем о Дантесе, заслуживающими доверия, как это делает Артамонова, мне кажется нельзя.

В заключение в своей статье Измайлов отмечает, что новых неизвестных данных в письмах Карамзиных нет.

Так обстоит дело с главнейшим, по убеждению Артамоновой, источником по теме моей статьи "Пушкин и Дантес". Главным во всем этом я считаю не то, насколько моим незнанием этого источника Артамонова намерена была понизить качество моей статьи, а то, что такое намерение было. И очень сильное...

III

1. Имея в виду книгу "Пушкин в письмах Карамзиных", Артамонова пишет:

"Благодаря этой работе, в частности, видно, что **СОВЕРШЕННО НЕ ПРАВ** В. Я. Миклашевский, когда пишет: "До получения пасквильного письма (4 ноября. — Н.А.) ничто в двухгодичном знакомстве Пушкина с Дантесом не предвещало такого разрыва". Это **НЕВЕРНО**" (сс. 162—163. Кур.мой. — В.М.).

Каким образом Артамонова вычислила по этой книге и установила, что я **СОВЕРШЕННО НЕ ПРАВ**, она не говорит и размер ошибки не указывает. Но вот мой расчет времени. С Пушкиным Дантес мог познакомиться весной 1834 г., когда стал появляться в высшем свете. Летом того же года он был уже дружен с ним. Начало охлаждения их дружбы относится к лету 1836 года. Поэтому **ВЕРНО**, что в их **ДВУХГОДИЧНОМ** (не меньше) знакомстве ничто "не предвещало такого разрыва".

2. После выписки из письма С. Н. Карамзиной (с.163) следуют слова Артамоновой:

"Подобных упоминаний (о разрыве между Пушкиным и Дантесом. — В.М.) в переписке Карамзиных несколько и они **ДОКАЗЫВАЮТ**, что Пушкин во всяком случае не видел **ЛЕГКОЙ ЗАБАВЫ** там, где, может быть, видели или хотели видеть ее другие. Поэтому **КОНЦЕПЦИЯ** Миклашевского о "защите чести свояченицы" как **ЕДИНСТВЕННОЙ ПРИЧИНЫ** первой, несостоявшейся дуэли **ВЫГЛЯДИТ НЕЛЕПОЙ**." (Кур.везде мой. — В.М.).

Во-первых, **ДОКАЗЫВАТЬ** существование разрыва между Пушкиным и Дантесом осенью 1836 года нет надобности: он был очевиден

и Пушкин, как известно, не скрывал его.

Во-вторых, никакой КОНЦЕПЦИИ Миклашевского в статье "Пушкин и Дантес" нет. Связь Дантеса с Екатериной Гончаровой я считаю обоснованной И. Ободовской и М. Деметьевым⁶. На этом основании, главным образом, и сделано в моей статье ПРЕДПОЛОЖЕНИЕ, что причиной первого вызова на дуэль МОГЛА БЫТЬ (а не была единственной) связь со свояченицей Пушкина (с. 116—117). Если у Артамоновой есть основания считать НЕЛЕПОСТЬЮ названное мной обоснование, то в этом случае, конечно, и мое предположение делается действительно нелепым. При этом и слова Александра Карамзина о связи Дантеса с Екатериной, в цитируемом Артамоновой письме, следует считать также нелепым. К числу нелепых свидетельств Артамонова должна будет отнести и записку Е. И. Загряжской к Жуковскому, в которой есть фраза о помолвке: "Итак, все концы в воду".

3. Вот первая фраза статьи Артамоновой:

"Вряд ли "ОБЪЕКТИВНОЕ ДАНТЕСОВЕДЕНИЕ" сможет уравновесить "СОВЕТСКУЮ ТЕНДЕНЦИОЗНОСТЬ", особенно если, как в статье В. Я. Миклашевского, связывать НАУКУ О ДАНТЕСЕ с "очищением облика прошлой России", который с "пристрастной враждебностью" искажается" (с. 155. Кур.мой. — В.М.).

Словосочетания в кавычках, подобные приведенным в этой фразе, разбросаны по всей статье Артамоновой. Они легко могут быть приняты читателем за выдержки из моей статьи. Между тем "советская тенденциозность" (с. 155), "объективный факт объективной науки" (с. 159), "клеветнические измышления советского литературоведения" (с. 160)... — к тексту моей статьи не принадлежат. Такого типа заковыченных словосочетаний, считаясь с размером статьи Артамоновой, довольно много. Они окрашивают мою статью в особый тон, желательный Артамоновой, но явно искажающий ее смысл.

"Объективное дантесоведение" (с. 155) также не из моей статьи. При этом должен признаться (возможно, к стыду моему), что о существовании его, как и о "науке о Дантесе", я слышу впервые.

4. Приведя письмо Мещерской (с. 159), Артамонова спрашивает: "Стоит ли и Е. Н. Мещерскую порицать за тон "публицистического презрения" по отношению к "позолоченным салонам"?"

Отвечаю на этот риторический вопрос: НЕТ. И вот почему. Слова "публицистическое презрение" взяты из первой фразы моей статьи:

"В советском литературоведении принято писать о Дантесе ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИМ ТОНОМ ПРЕЗРЕНИЯ и ненависти к нему"

(с. 114).

В статье приведены примеры, содержащие этот тон, которые указывают, что к Мещерской это презрение отнести никак нельзя. Иронические кавычки вполне уместны, но только при условии, что эти слова принадлежат Н. Артамоновой. В равной мере "публицистическое презрение" не относится и к цитируемым Артамоновой словам П. А. Вяземского (с. 157—158).

5. В начале своей статьи Артамонова пишет:

"Может быть и НЕВОЛЬНО, В. Я. Миклашевский самой формой, построением своей статьи НАМЕКАЕТ на необходимость уравнивать как бы в человеческих правах Пушкина и Дантеса, а заодно ВЫВЕСТИ НА ЧИСТУЮ ВОДУ советское литературоведение" (с. 155. Кур.мой. — В.М.).

Смысла слов о возможном невольном намеке на "необходимость уравнивать как бы в человеческих правах..." — я, честно говоря, не понимаю. (К слову — разве можно НАМЕКАТЬ невольно?).

О намерении "вывести на чистую воду" должен сказать следующее. Такого намерения у меня не было, но раскрытие в моей статье отдельных фактов, содержащих превратное представление о лицах и событиях, можно назвать "выведением на чистую воду". При этом, повторяю, выведение это не было моим намерением. К этому добавлю: я глубоко убежден, что все факты, нуждающиеся в "выведении на чистую воду", будут постепенно выведены советскими литературоведами. Признаки этого уже есть⁷.

IV

Замечания Артамоновой, о которых речь в этом разделе, не имеют прямого отношения к моей статье. Они понадобились для того только, чтобы отвлечь читателя от основной темы и своей эмоциональностью заронить в его сознание недоверие к тому пониманию эпохи и событий в ней, которое содержится в моей статье. Замечаний этих довольно много и я отвечу только на некоторые, которые мне кажутся типичными.

1. В статье Вл. С. Соловьева "Памяти императора Николая I" Артамонова усмотрела обычное, как она полагает, в такого рода статьях приукрашивание личности Николая I. Между тем, такого приукрашивания у Соловьева нет (и он счел бы его для себя унижительным). И подтверждением этого служит статья его "Судьба Пушкина", в которой Николай Первый представлен таким же, как и в первой статье.

2. Стереотипное недоброжелательное, мягко выражаясь, отношение к Николаю Первому родило в Артамоновой эмоциональное выражение неверия в существование доверия

государя к Пушкину:

"В Божий суд и христианскую совесть от всей души верю, — пишет Артамонова, — но "рыцарское доверие к человеку" (Пушкину) со стороны Николая Павловича — это хоть и возвышенная, хоть и поэтическая, а все-таки **НЕСООБРАЗНОСТЬ**" (с.160—161. Кур. мой. — В.М.).

И хотя эта "несообразность" не обоснована, все же следует признать, что, с точки зрения господствующего в советском литературоведении стереотипа, Артамонова совершенно права. Но доверие к Пушкину у Николая Первого было. Уже одно назначение на должность придворного историографа указывает не только на признание ума и таланта Пушкина, но и на несомненное доверие. Назвать это доверие (которое имел в виду и Соловьев) **НЕСООБРАЗНОСТЬЮ**, автору, живущему вне Советского Союза, нет надобности.

И еще о Соловьеве. Он нигде не говорит об отношениях Пушкина и Николая I "как отношениях нежной дружбы", которые ему (или мне?) приписывает Артамонова (с.161)⁸.

3. По мнению Артамоновой, в советском пушкиноведении "одни "роль царя" размазывают, другие замазывают, третьи обходят полувнятной скороговоркой, **ЧЕТВЕРТЫЕ**, чаще всего в **ПРИМЕЧАНИЯХ И КОММЕНТАРИЯХ**, **СТАРАТЕЛЬНО** воспроизводят реальный ход событий" (с.162. Кур.мой. — В.М.).

К сожалению, Артамонова не называет хотя бы по одному примеру в каждой группе, чтобы можно было себе представить замазывание, размазывание и т. д. Но в общем все это действительно так (и не только в отношении "роли царя"), исключая конечно, примечания и комментарии, так как именно в них больше всего не "воспроизводят реальный ход событий", а **СТАРА-**

ТЕЛЬНО доказывают соответствие их официальному толкованию...

4. В моей статье "Пушкин и Дантес" речь идет о добросовестности в исследованиях советских литературоведов. Артамонова, не желая говорить об этом, перевела речь на замазывание, размазывание, невнятную скороговорку и т. п., пытаясь представить их не как свидетельства недобросовестного изложения событий, а как дань советских ученых "временам и срокам", которые при этом старательно воспроизводили "реальный ход событий" (с.162)...

5. "Были декабристы, было "следствие по делу"... было и раскаяние, и все же пятерых повесили..." (с.161).

Хотя это эмоциональный заговор, все же замечу, что все эти "были" со стереотипным их содержанием указывают или на недостаток исторического понимания событий (чему я не очень верю), или на софистическое исключение других "были" — главных в то время: веры, обычаев, законов... Дело все еще обычное, как известно, в советской литературе вообще.

V

Критические замечания Н. Артамоновой, пользуясь словами Я. Левкович, несут "на себе отпечаток социологических концепций эпохи"⁹, которые уходят из советского литературоведения медленно, но с ускорением, наличие которого несомненно. Проще говоря, в критических замечаниях Артамоновой отразилось устаревшее понимание событий, современником которых был Пушкин, и отношение к ним. Существование этого миропонимания (по принуждению или неведению) в советском литературоведении вполне понятно, но повторение его вне СССР кажется ненужным.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В. Я. Миклашевский. Пушкин и Дантес. Вестник РХД, №150, сс.114—154.

² Н. Артамонова. По поводу статьи В. Миклашевского. Вестник РХД, №150, сс.155—164.

³ Пушкин в письмах Карамзиных 1836—1837 годов. АН СССР. М.-Л., 1950.

⁴ Цит. по: П. Е. Щеголев. Дуэль и смерть Пушкина. Изд. 3-е. Книга. М., 1987, с.528. (Текст изд. 1928 г.)

⁵ Там же, сс.528—529.

⁶ И. Ободовская, М. Дементьев. Нат. Ник. Пушкина. Сов.Россия. М., 1985, сс.188—189.

⁷ Ниже привожу несколько примеров из советской литературы, в которых очевидно "выведение на чистую воду" с одновременным очищением от клеветы представления о царской России.

А. Долгие годы бытовавшие в советской литературе "**ПОТЕМКИНСКИЕ ДЕРЕВНИ**" в недавнее время были признаны **ВЫДУМКОЙ**.

См.: Арсений Гулыга. Он писал о себе для нас. Вступ. ст. в кн.: А.Т.Болотов. Жизнь и приключения... Современник. М., 1986, с.13.

Б. В названной выше статье А.В. Гулыга упоминает о пасквильном изложении Записок Болотова в 1928 г. В. Б. Шкловским и называет это изложение типическим документом эпохи.

Спустя без малого 35 лет после выхода этой пасквильной книги В. Б. Шкловского Н. В. Баранская в библиографии к своей статье "**БОЛОТОВ**" в "Кр. лит. энц." назвала ее среди других источников для биографии А. Т. Болотова: "Шкловский В. Б., Краткая и достоверная повесть о дворянине Болотове, "Красная новь", 1928, кн. 12." (КЛЭ.М., 1962, т.1, с.683).

Дальше Гулыга рассказывает историю "реабилитации" Болотова и его времени, называя книгу В. Лазарева (Сокровенная жизнь. Современник. М., 1978) и документальный фильм по его сценарию — "Андрей Тимофеевич Болотов, или Письма из XVIII века" (режиссер Ю. Закревский), снятый в 1984 году.

В. В примечании 3.16 к моей статье "Пушкин и Дантес" сказано, что, по утверждению Я.Л. Левкович*, Пушкин исполнил христианский долг только по принуждению. Это утверждение 1969 года Левкович к 1987 году, должно быть, забыла, и объявила, что не только никакого насилия не было, но и не могло быть.

См.: Я. Левкович. П. Е. Щеголев и его книга "Дуэль и смерть Пушкина". В кн.: П.Е. Щеголев, ук. соч., с.17. (Вст.ст.).

Г. В 1951 году Г.П. Макогоненко называл Карамзина реакционером (Г.П. Макогоненко. Ник. Новиков и рус. просвещ. XVIII в. ГИХЛ. М.-Л., 1951, сс.527—529). Авторы, считавших Карамзина высшим достижением в развитии русской культуры XVIII века, Макогоненко объявлял повторяющими классово враждебные утверждения чуждой советскому литературоведению дворянско-буржуазной науки.

В 1983 году Г.П. Макогоненко опубликовал обстоятельную статью "Николай Карамзин — писатель, критик, историк", в которой нет и следа прежнего враждебного отношения к Карамзину. Больше того, утверждения "дворянско-буржуазной науки" в этой работе изложены как достижения советского литературоведения.

См.: Г.П. Макогоненко. Избр. раб. ХЛ. Л., 1987, сс.74—148.

В этом же 1983 году вышла массовым тиражом (200 тыс.) также в общем благожелательная, "реабилитирующая" Карамзина книга: Н.Я.Эйдельман. Последний летописец. Книга. М., 1983.

Д. О Вл. С. Соловьеве:

"...Сколько защищено ученых диссертаций, чтобы доказать, что Соловьев как мыслитель — полное ничтожество, реакционер и мракобес. А ведь это сплошная неправда". Арсений Гулыга. Поиски абсолюта. В жур.: Новый мир, 1987, №10, с. 250.

* О деловых отношениях между Пушкиным и Николаем I см.: Пушкин. Письма последних лет: 1834—1837. Наука. Л., 1969. (Переписка с Бенкендорфом.)

Очень примечательным мне кажется, что в некоторых книгах, изданных в последние годы, отношения между Пушкиным и царем вообще опущены. Среди них, например, обстоятельная статья Е.Н.Куприяновой в кн.: Ист. рус. л-ры в 4-х тт. Наука. Л., 1981, т.1, сс.235—322.

9 Я. Левкович. П.Е. Щеголев и его книга... В кн.: П. Е. Щеголев, ук. соч., с.16.

*В статье В.Я.Миклашевского "Пушкин и Дантес" в примечаниях 3.10., 3.16 и 5.06 по вине автора вместо Я.Л. Левкович напечатано Я.Л. Лелевич. (Прим. ред.)

А. АЛЬМОГ

ВСПОМИНАЯ УОТЕРГЕЙТ

16 апреля 1971 года, в десятую годовщину событий на Плайя-Хирон, в заливе Кочинос, ветераны собрались в одном из ресторанов Майами на свою традиционную встречу. Говард Хант сказал, пожимая руку одному из присутствующих:

— Если вы тот самый Баркер, с которым я однажды встречался, то свяжитесь как-нибудь со мной.

Г. Хант был в то время агентом Центрального Разведывательного Управления. Позднее он станет специальным консультантом Белого Дома.

Бернард Баркер нашел время сделать то, о чем просил его Г. Хант. Он связался с ним.

Так начала раскручиваться цепь событий, которая привела в итоге к самому крупному скандалу современности — к Уотергейтскому делу, в результате которого был вынужден уйти со своего поста президент Р. Никсон и на долгие годы была скомпрометирована Республиканская партия.

Южный Вьетнам был предан, начал цвести детант, на последующих выборах победили демократы во главе с Д. Картером, и началась

полоса внешнеполитических поражений США и их союзников: Никарагуа, Иран, Кемп-Дэвидский договор на Ближнем Востоке. За эти шесть лет с 1974 по 1980 годы, ничтожный срок в истории, США потерпели столько политических поражений, сколько не терпели за всю свою предыдущую историю. За шесть этих недолгих лет был создан так называемый "вьетнамский синдром" — позор и боль современной Америки, отравивший и искалечивший души целого поколения; всего за шесть лет традиционный здравый смысл — основа американской политической системы — был впервые подменен политической КОНЦЕПЦИЕЙ.

Американские средства массовой информации, принимавшие самое активное участие в скандале, выдают Уотергейт за победу американской демократии. На самом деле — это крупнейшее политическое поражение Америки за всю ее историю, масштабы которого еще не оценены в должной мере, и которое было нанесено профессиональным и безжалостным противником.

И.Ефимов в своей книге об убийстве президента Д. Кеннеди, обстоятельно разобрал

все доступные факты, однозначно приходит к выводу, что "убийство века" осуществила кубинская разведка. Нельзя не согласиться с этим выводом.

Могу лишь добавить один маленький факт в пользу этой гипотезы. Во время моей работы на Кубе в середине семидесятых годов, один высокопоставленный кубинский чиновник рассказывал мне о том, что он осуществлял в свое время непосредственные контакты с окружным прокурором Нового Орлеана Д. Гаррисоном, который в своем так называемом независимом расследовании пытался обвинить в убийстве американского президента кубинскую эмиграцию, обосновавшуюся в большинстве своем во Флориде в городе Майами.

Я не претендую на монопольное владение истиной. Простая догадка иногда может стоить больше, чем работа целой комиссии. Многие тома отчета комиссии Э. Уоррена останутся в истории образцом фальсификации, попыткой сокрытия истины во имя определенной политическо-идеологической КОНЦЕПЦИИ. Этой же КОНЦЕПЦИИ подчинены и двадцать шесть томов работы сенатской комиссии по расследованию Уотергейтского дела.

Я глубоко убежден, что и это дело было осуществлено кубинской разведкой. Возможно, что спланировано оно было в столицах, расположенных несколько дальше от Вашингтона, чем Гавана. Впрочем, это только догадка.

Вьетнамскую войну нужно было срочно кончать. Начатая еще при президенте Л. Джонсоне, война эта грозила полным поражением Северному Вьетнаму. Действия президента Р. Никсона были столь же решительными, как и действия президента-демократа Г. Трумэна, отстоявшего в 1949 году Южную Корею от коммунистической агрессии с Севера.

Еще год массированных бомбардировок, и от Северного Вьетнама вообще ничего не останется. Никакие китайские добровольцы не могут уже ничего изменить.

Необходимо было открывать второй фронт внутри самой Америки, внутри американского общества.

Впервые за всю американскую историю дезертирство из армии стало считаться актом героизма, а выдача национальных секретов — проявлением гражданского мужества. Стали набирать политическую силу различные группировки, выступавшие за поражение в войне собственного правительства, идея, идущая еще от В. И. Ленина. Иными словами, здравый смысл, заключавшийся в защите интересов естественного союзника США в стратегически важном районе земного шара, стал подменяться некой КОНЦЕПЦИЕЙ, основанной на

идеологических предпосылках.

Войну надо было решительным образом кончать, так как надежды на этот фронт были ничтожны. Опрос общественного мнения показывал, что идейный вождь этого фронта, сенатор-демократ от штата Ю. Дакота Д. Мак-Говерн потерпит на предстоящих в 1972 году президентских выборах сокрушительное поражение.

Сенатор Д. Мак-Говерн был американским политическим деятелем принципиально нового типа. Он не олицетворял собой традиционный здравый смысл, а был инструментом определенной политико-идеологической КОНЦЕПЦИИ.

13 июня 1971 года газета "Нью-Йорк Таймс", роль которой во всем Уотергейтском деле была одной из ключевых, начала публиковать секретные документы Пентагона о подготовке и планировании войны во Вьетнаме. Документы эти передал в газету активист движения "Новые левые" Д. Эльсберг. В ФБР и в ЦРУ стали поступать сведения, что активисты "Второго фронта" готовятся к новым разоблачениям во имя поражения собственной страны в войне, во имя спасения КОНЦЕПЦИИ.

Спустя десять лет после описываемых событий, жарким летом 1982 года, израильские левые также готовы были пойти на поражение собственной страны в Ливанской войне во имя спасения КОНЦЕПЦИИ. Им это успешно удалось. В результате сфабрикованного отчета комиссии Кагана, расследовавшей обстоятельства резни в лагерях беженцев Сабра и Шатила, резни, спланированной и осуществленной сирийской разведкой, были сняты со своих постов два самых блестящих израильских генерала А. Шарон и Р. Эйтан.

Материалы, полученные ФБР и ЦРУ, с несомненностью указывали, что идеологическим центром "Второго фронта" является штаб-квартира Демократической партии и кабинет ее вождя Д. Мак-Говерна.

Вполне возможно, что идея Уотергейта возникла именно на этой стадии. Спровоцировать администрацию на антиконституционные действия, контролировать от начала и до конца эти действия, в необходимый момент выдать участников этого дела полиции и максимально раздуть случившийся скандал. Остальное, как говорится, дело техники.

Летом 1971 года по распоряжению президента Р. Никсона создается специальная секретная группа по расследованию каналов утечки секретных государственных материалов. Группа эта получила кодовое название "группа водопроводчиков" и во главе ее стал советник президента Р. Никсона Д. Эрлихман. В группу эту был включен и уже известный нам Г. Хант. Позднее к ним присоединяется и Б. Баркер.

Созданная для решения сложных и деликатных государственных дел, группа эта начала свою деятельность, демонстрируя умение и понимание проблем действительно на уровне профессиональных водопроводчиков.

Первым объектом был выбран личный врач-психиатр Д. Эльсберга доктор Ф. Филдинг. Д. Эльсбергу к тому времени уже были предъявлены судом обвинения по двум пунктам: в краже государственных документов и в передаче их средствам массовой информации. Подельником на процессе Д. Эльсберга в Лос-Анжелесе был А. Руссо, родной брат того самого П. Руссо, которого Д. Гаррисон безуспешно пытался обвинить в убийстве президента Д. Кеннеди. Так впервые проступили контуры зловещего треугольника: Кеннеди — Куба — Уотергейт.

После того, как доктор Ф. Филдинг отказался обсуждать с агентами ФБР проблемы своего пациента, дело это было передано "бригаде водопроводчиков", и те, не мудрствуя лукаво, решили пойти на взлом кабинета врача, чтобы добыть дело больного Д. Эльсберга.

Абсолютно непонятно, что могло интересовать работников секретной государственной группы, созданной для решения острейших политических проблем, в кабинете врача-психиатра. Симптомы ли заболевания Д. Эльсберга, методы лечения или, наконец, перечень лекарств.

Так или иначе, "бригада" получает указание Е. Кроуфа, помощника Д. Эрлихмана, установить надзор над кабинетом врача и, если возможно, осуществить взлом с целью похитить личное дело Д. Эльсберга. В оперативную группу включаются и кубинские эмигранты: Ф. Де Диего и Е. Мартинес.

Может быть, взлом кабинета врача был первоначально задуман, как вся операция, с целью вызвать заветный политический скандал. Может быть, это была "проба пера". Трудно найти разумное объяснение того, что специально созданная сверхсекретная группа, имеющая непосредственный выход на президента Соединенных Штатов, планирует и сама же осуществляет взлом врачебного кабинета с целью похитить досье одного из взбесившихся леваков!

Все это дело по взлому кабинета показывает абсолютную профессиональную неподготовленность участников и несогласованность американских секретных служб. Так, для того, чтобы решить такую "сложную" проблему, как проявление обычной, 35 мм пленки, Г. Ханту необходимо было лететь в Нью-Йорк и вести там долгие переговоры с ответственными работниками ЦРУ.

Наконец, 3 сентября, ночью, участники "бригады" успешно осуществляют взлом и добывают заветное дело. Во взломе принимает

непосредственное участие и Г. Лидди — ни много ни мало, как советник Белого Дома и член комитета по переизбранию президента Р. Никсона. Воистину, Уотергейт начинался как мистерия абсурда!

Все это тем не менее сходит с рук участникам "бригады", никто их не ловит на месте и политического скандала не получается.

Между тем расследование каналов утечки секретной государственной информации приводит к неожиданным результатам. Вскрываются факты участия администрации президента Д. Кеннеди в убийстве президента Южно-Вьетнамской республики Диема*. Обнародование всего этого грозит бросить тень на Д. Кеннеди, этого плейбоя американской политики и объект мифотворчества во славу Демократической партии. Дием был верным союзником США, так же, как А. Сомоса и иранский шах. Вьетнам был одним из трех разединенных государств после Второй мировой войны. То, что понял в 1949 г. президент Г. Трумэн, не понял в 1962 г. самый молодой и самый неопытный президент США. Убийство Диема привело к развитию событий, конечным результатом которых стало переименование города Сайгона в город Хошимин. Д. Кеннеди, однако, предал не только своего вьетнамского союзника. Д. Кеннеди предал еще и своих кубинских друзей. Примерно за десять лет до описываемых событий участникам высадки в заливе Кочинос нужна была минимальная поддержка, чтобы режим Ф. Кастро стал трагическим фактом кубинской истории. В самый решительный момент Д. Кеннеди отказал в этом.

История жестоко обошлась с Д. Кеннеди. Судьба столкнула его с Н. Хрущевым, человеком непредсказуемых решений, человеком крайне импульсивным и достойным выпускником сталинской школы политического терроризма. Ракеты были вывезены с Кубы, но Ф. Кастро остался.

Тем временем, операция, в которой участвовала "бригада водопроводчиков", готовилась вступить в свою решающую фазу. К участникам присоединяются еще два кубинских эмигранта: В. Гонзалес и Р. Пико. Буквально за месяц до этого Р. Пико был выслан с Кубы, но никого из сверхсекретной группы этот факт почему-то не интересовал.

4 февраля 1972 года в кабинете министра юстиции Д. Митчела принимается историческое решение проникнуть в штаб-квартиру Демократической партии и в кабинет самого Д. Мак-Говерна, расположенные в Уотергейтском административном комплексе, так как все данные указывали, что именно туда сходятся все каналы, по которым секретные государственные документы становятся до-

*Об участии Д. Кеннеди в убийстве Диема было известно с самого начала. (Прим. ред.)

стоянием гласности. Целью операции было установить подслушивающую аппаратуру и сфотографировать то, что удастся.

С самого начала возникает законный вопрос: почему дело, касающееся национальной безопасности, поручается не профессионалам из ФБР, а дилетантам, связанным непосредственно с президентом США и его предвыборным штабом? Почему, наконец, в этой группе 6 человек из Майами, связанных с кубинской эмиграцией?

К сожалению, в многотомном отчете по расследованию Уотергейтского дела нет ответов на эти вопросы.

26 мая 1972 года "бригада водопроводчиков" пытается проникнуть в штаб-квартиру Демократической партии, но неудачно.

27 мая. Вторая попытка проникнуть в кабинеты оканчивается безрезультатно, так как В. Гонзалес не смог открыть обыкновенный замок во входной двери. Такие замки в России назывались "американскими", и О. Бендер с легкостью открывал их отточенным ногтем своего мизинца. Такие замки хорошо открываются советской десятикопеечной монетой или согнутым куском стальной проволоки, именуемой в народе "отмычкой". В. Гонзалес, по-видимому, ничего этого не знал и вынужден был отправиться в Майами за соответствующим инструментом. Почему для этого нужно было летать во Флориду, также остается непонятным.

28 мая очередная попытка проникнуть в помещение оказывается успешной. С помощью новых инструментов В. Гонзалес открывает двери, и "водопроводчики" проникают внутрь. Они фотографируют документы и устанавливают подслушивающую аппаратуру в телефонах двух высших чиновников штаба Демократической партии Л. О'Брайена и Р. Оливера. Попытки проникнуть в кабинет Д. Мак-Говерна оканчиваются безрезультатно. Замки оказались не по силам В. Гонзалесу, а может, это и не входило в первоначальные планы.

29 мая Б. Баркер и все его люди благополучно возвращаются в Майами. По-видимому, на отдых. Только 10 июня, там же, во Флориде, Б. Баркер отдает в частную лабораторию на срочное проявление две кассеты с 35 мм пленкой. Почему эти пленки проявлялись в Майами и где они были 12 дней, также непонятно. Спустя почти год, выступая в качестве свидетеля на заседании сенатской комиссии по расследованию, владелец "Рич Фотос Инк" вспомнит, что на снимках были документы Л. О'Брайена с его личной подписью. Мистерия абсурда продолжается.

17 июня мистерия абсурда заканчивается. Второе проникновение в штаб-квартиру Демократической партии оказывается и послед-

ним. Достаточно. В 2 часа 30 мин. ночи "бригада водопроводчиков" накрывается специальным отрядом Вашингтонской городской полиции. Не службой безопасности Уотергейтского комплекса, которая ничего не знала о происходящем, а именно полицией, которая была вызвана на место событий анонимным звонком. Звонил, разумеется, тот, кто был полностью осведомлен в происходящем. Комиссия, расследовавшая Уотергейт, естественно, не заинтересовалась личностью этого анонимного доброжелателя Демократической партии, хотя голос его и был записан в Центре городской полиции.

Итак, дело сделано. Установлен факт уголовного преступления, и начинает раскручиваться бюрократическая машина правосудия.

17 октября окружной судья Д. Сирика назначает на 15 ноября начало судебного процесса над злоумышленниками.

7 ноября, несмотря на тучи, начинающие надвигаться на Республиканскую партию, Р. Никсон и С. Агню триумфально переизбираются на новый четырехлетний срок, завоевав 97% голосов выборщиков. Цифра эта убедительно показывает, что КОНЦЕПЦИЯ крайне непопулярна среди простых американцев и Д. Мак-Говерн навсегда сходит с политической арены, проложив, однако, тропу для таких деятелей, как Э. Кеннеди и У. Мондейл, М. Дукакис и Д. Джексон.

События, однако, развиваются не по плану. Несмотря на истеричную газетную кампанию, направленную против войны и лично против президента Р. Никсона, опросы общественного мнения показывают, что республиканская администрация достаточно популярна в народе. Между тем, в прессе нет-нет, да и появляются ошеломляющие по своей наивной откровенности статьи. Так, 6 декабря газета "Вашингтон Пост" сообщила читателям, что во взломе были использованы кубинские агенты. Так и было сказано, только никто на эту статью не отреагировал, да и сама редакция вскоре о ней позабыла.

А между тем продолжают случаться странные вещи. 8 декабря в авиационной катастрофе погибает Доротти Хант, жена Г. Ханта, заявившая неосторожно за неделю до гибели, что ее муж располагает сведениями, что целью взлома в штаб-квартиру Демократической партии является смещение со своего поста президента Р. Никсона. В сумке г-жи Д. Хант находят 10000 долларов в столбчатых купюрах. Отметим, что в то время об импичменте президента не только не говорилось, но даже имя его еще не связывалось со скандалом.

Параллельно с судебным разбирательством создается и сенатская комиссия по расследованию. Во главе ее — сенатор демократ от

штата Северная Каролина Д. Ервин.

А время, вместе с тем, не ждет. Площадные бомбардировки объектов в Северном Вьетнаме вот-вот приведут к тому, что эта республика через пару месяцев вообще перестанет существовать. Все прогрессивное человечество, разумеется, активно протестует, но это мало помогает. Массированные советские поставки вооружения и продовольствия также мало помогают, так как осуществляются медленно, только через территорию Китая. Все портовые сооружения в республике уже разрушены. Необходимо форсировать события.

7 февраля 1973 года газета "Нью-Йорк Таймс" делает первый "залп" непосредственно по Белому Дому, заявляя, что начальник канцелярии президента Г. Хелдеман знал о подготовке операции, по крайней мере, с февраля 1972 года.

Это был сигнал. С этого момента под огнем сам президент, его администрация и руководство всей Республиканской партии. И все это — на фоне чудовищно беспринципной антивоенной истерии. Дезертирство объявляется актом гражданского мужества, суд над лейтенантом Келли превращается в суд над всей американской армией. "Работники культурного фронта" вроде актрисы Д. Фонда выезжают во Вьетнам и открыто агитируют там против войны.

Вице-президент С. Агню пытается вступить за президента и призывает не считать героями тех, кто дезертирует с поля боя. С С. Агню быстро разделяются. Его обвиняют в уклонении от уплаты налогов, и 10 октября 1973 года С. Агню уходит с поста вице-президента. Он не оспаривает выдвинутых против него обвинений. Он чувствует — "в воздухе пахнет грозой". Странно только, что человек этот, профессиональный политик, неоднократно избиравшийся в сенат, успешно прошел две президентские кампании под огнем беспринципных и пристрастных к республиканцам журналистов и те тогда не нашли ничего криминального в его биографии.

На место С. Агню президент Р. Никсон приглашает лидера республиканского меньшинства в сенате Д. Форда. Д. Форд не был ни консерватором, ни либералом. В молодости он был футболистом, и это вполне устраивало демократическое большинство в сенате.

Обстановка между тем накаляется до предела. Особенно активны газета "Нью-Йорк Таймс" и еженедельник "Тайм". Оба они почти в каждом своем номере публикуют ту информацию, которая была известна или непосредственным участникам событий, или ответственным деятелям Республиканской партии. Не брезгают они и откровенной клеветой.

Пройдет десять лет, и окружной судья У. Сойфер, на основании единогласного реше-

ния коллегии присяжных, признает журнал "Тайм" виновным в нанесении морального ущерба министру обороны Израиля А. Шарону.

1974 год. Дело практически сделано. Популярность президента Р. Никсона падает до рекордно низкой отметки. Заседания сенатской комиссии транслируются на всю страну. Витийствуют сенаторы: Р. Берд, Д. Истленд, Д. Ервин и набирающиеся политического опыта Э. Кеннеди и Р. Иноуэй. О двух последних еще предстоит услышать.

2 мая 1974 года. Вопрос об импичменте президента Р. Никсона решен. Д. Форд стал 38-м президентом США.

Прошло шесть лет, и здравый смысл вновь восторжествовал над КОНЦЕПЦИЕЙ, показав достаточно наглядно, что американское общество внутренне здорово. Но прошедшее время показало также, что в американскую политическую машину не внесено никаких конструктивных изменений, а политический истеблишмент ничего не понял и ничему не научился.

Вновь, как и десять лет тому назад, КОНЦЕПЦИЯ терпит поражение. Остров Гренада. Эффективная помощь муджахеддинам Афганистана и антисандинистам Никарагуа. Это невыносимо, и вначале пуля проходит всего в 3-х сантиметрах ниже сердца самого консервативного президента Америки, а потом политический скандал, раздутый по тому же сценарию, с той же оголтелой уверенностью в успехе и в безнаказанности. Даже название похоже: ИРАНГЕЙТ.

Спичку поднесли в Ливане. Ливанская газета "Аль-Шааб", являющаяся проводником сирийского влияния, печатает первую информацию о тайных поставках американского оружия Ирану. Если учесть при этом, что Сирия является одной из двух мусульманских стран, открыто поддерживавших Иран в его войне против Ирака, то становится совершенно ясным, что Сирию очень убедительно попросили.

После этой публикации в действие вступает большая пресса Америки во главе со своим флагманом, "крейсером Аврора" американской публицистики "Нью-Йорк Таймс".

В отличие от Уотергейта, огонь сразу же переносится на правительственную администрацию и лично на президента Р. Рейгана. Цель на этот раз и не скрывается: импичмент.

Та же схема. Знакомые лица: Р. Иноуэй, Э. Кеннеди, Р. Берд. Нет только "Типа" О'Нила. Кресло его занял Д. Райт, обращающийся к Д. Ортеге по-дружески и задушевно: "Дорогой команданте!" Ретроспективно оглядываясь с высоты Капитолийского холма в прошлое, в год, скажем 38-й, можно предположить, что в то предвоенное время, Д. Райт

обратился бы к рейхсканцлеру Германии: "Дорогой фюрер!". Между тем, тогда уже существовали технические проекты крематориев и других подобных сооружений.

Наконец, те же кубинские источники получения компрометирующих республиканцев материалов. Против О. Норта, обвиняемого по 12 уголовным пунктам, выступает свидетелем кубинский эмигрант, проживающий в Майами, Р. Гуантеро.

Любое проникновение на чужую территорию, осуществляемое с помощью отмычки или иного специального инструмента, — это нехорошее дело. Но публикация государственных секретов — это наитягчайшее преступление, так как подрывает саму основу государства.

Владимир РУДИНСКИЙ

ОБЗОР ЗАРУБЕЖНОЙ ПЕЧАТИ

"22" №64. Мы полагаем (мысли — не новые и отнюдь не оригинальные), что нет плохих народов, хотя бывают плохие люди. Поэтому никогда не надо (и чревато дурными последствиями) осуждать огулом целую какую-либо национальность. Особенно же нехорошо, если начинают глумиться над ее установившейся верой, ее исконными обычаями, событиями ее истории, и уж тем более над физическим обликом ее членов. Такие думы приходят в голову в связи с дискуссией по поводу книги И. Шафаревича "Руссофобия", поднятой на страницах нескольких зарубежных журналов.

Отвечая ему в "22", Б. Кушнер характеризует его работу (выдержанную, однако, в научном и корректном стиле) как **причитания и заклинания**. Вряд ли подобный тон может создавать подходящую почву для серьезной полемики. Заодно с Шафаревичем, Кушнер шельмует Пушкина и Достоевского (зато превозносит Бялика, которого считает, видимо, куда талантливее их обоих). Но мы сосредоточимся не на сих пассажах, а на других, дальнейших утверждениях израильского публициста: "Теперь вкратце о руссофобии. Восхищение вызывает непринужденность, с которой вы извлекаете эту угрозу из дискуссии с несколькими, видимо, раздражающими вас авторами".

Извлечь руссофобию, право, не сложно: из сочинений десятков литераторов, часто весьма известных, принадлежащих к новейшей эмиграции, а частично и действующих в СССР. Наоборот, невозможно не заметить данную струю в зарубежной и в подсоветской печати; тем более, что она бьет все сильнее и гуще. Слышится, поистине, **жор оглушительный**, словами А. К. Толстого. И, спраши-

Тайная продажа оружия тоже не является благотворительной акцией, тем более, что осуществлялась она для такого сатанинского режима, как режим аятоллы Хумейни. Но перевод этих денег повстанцам Никарагуа — дело безусловно святое.

Тот факт, что защита принципов здравого смысла в сегодняшней американской политике требует использования антиконституционных методов, свидетельствует, что неладно что-то в самой конституции.

Во всяком случае, борьба Америки с одним из самых бесчеловечных и опасных режимов — режимом Ф. Кастро — идет сегодня в пользу последнего. Одного президента США он убил, второго — уволил.

И ничего. Сошло с рук.

вается: для кого эти господа кричат, — притом же по-русски, — если не хотят, чтобы мы их замечали? Прочитируем кое-какие перлы:

Православие (да и христианство вообще) есть **готтентотская религия** (Гробман); **украденная** к тому же у евреев (Лезов); русские женщины суть безобразные твари с носами картошкой и выпяченными скулами (Горенштейн); вся Россия утонула в грязи (Хазанов); ее надо **уложить в березовый гроб** (Маркиш); призвать на ее завоевание и уничтожение китайцев (Гиндин); смешно, если русские недовольны, зачем убили царя и разрушили церкви (Вольфсон); "Россия — сука!" (Синявский). Уже упомянутый нами Горенштейн специально декларирует, будто для евреев славяне — самый противный и неприятный народ. Тут обижаться не на что; о вкусах не спорят. Но как не взвесить: за что же тогда мы должны их любить и им сочувствовать? Оговоримся, что хотя Горенштейн и претендует выступать от имени **всех** евреев, мы предпочитаем ему не верить. Однако иные могут ведь и поверить. О воззрениях на нашу родину Янова не станем и трактовать: о них уже прекрасно написал Аксютин в "Русской Мысли". Померанец же, делая законный вывод из изложенных выше концепций, страстно призывает нацменов **бить русских по зубам** и убежден, что русский патриотизм нужно **выжигать каленым железом** (каковую формулу он, впрочем, позаимствовал у Троцкого).

Остановимся. А легко бы, без труда, заполнить сходными образцами пару страниц. Повторим за Шафаревичем: безусловно, не все евреи, и даже не большинство евреев (особенно в России и из России) так настро-

ены; а лишь некая горсточка. Но почему же никто (или почти никто) из них не возражает? Ведь им бы удобнее, чем нам, на кого сразу посыпятся обвинения в антисемитизме!

Исключения все же есть, в лице, в частности, Коржавина (которого крайне несправедливо и совершенно ошибочно бранит Шафаревич) и, скажем, Рузера (хотя последний одернул Гробмана скорее за дурной вкус, чем за содержание высказываний одного). А кто еще? Не находим ни одного имени, какое бы назвать.

Заскочим вперед. Е. Эткинд, во "Времени и Нас", приписывает Шафаревичу гитлеровскую идеологию. "Врачу, исцелися сам!" Это, к сожалению, единомышленники Эткинда взяли на вооружение методы и установки Геббельса, Гитлера и компании, применяя их против русского народа. Ответим заранее упреки в иудеобии. Когда на Россию клеветали немцы, клеветали и клеветают американцы (хотя бы и чисто англо-саксонского происхождения), мы находили и находим своим долгом ее защищать. Более того, когда (увы, в среде все той же новейшей эмиграции) поносят чукчей и лопарей, мы и на это возражаем. И потому, что мы русские и христиане, и просто во имя общечеловеческих идеалов правдивости и справедливости, перед лицом коих, воистину: "Несть ни эллина, ни иудея!".

Касательно же шумной, если и не великой числом, горготы руссофобов, — какие цели они преследуют? Евреев в России мало, русских много. Оскорбляя все дорогое русскому сердцу, безответственные заграничные бумагомаратели словно нарочно провоцируют погромы (хотя вряд ли добьются). Они, кажется, будут рады, произойди в России и впрямь кровавое столкновение русских с евреями. Какой гвалт они подымут! "А мы что говорили?" — смогут они вопить.

На деле-то, у русских и у евреев в Советском Союзе — общие задачи по борьбе с режимом. А руссофобы сему последнему оказывают неоценимую услугу (как верно и подметил уже Анищенко в "Гласности"), чуть не насильно заставляя русских, из самообороны, его поддерживать. К чему такое ведет, — мы на примере немцев видели. Если упорно возлагать на жертву вину за действия палача, можно получить тот абсурдный результат, что жертва объединится с палачом.

В том же номере Э. Левин вознамерился на свой лад, и в пику Пушкину, переложить заново балладу Мицкевича "Будрыс и его сыновья", вдохновляясь нелепой идеей, будто классические переводы в наши дни: "Пора обновить". Глупее ничего не придумаешь: Пушкин и Мицкевич были современники, в их творчестве живет дух их эпохи. К чему

же их произведения пересказывать на современном жаргоне?

Крохоборческая и придиричивая критика пушкинского текста у Левина на редкость несостоятельна. Имена (литовские, а не польские!) Ольгерда и Кейстута (пришедшие к нам без посредства Польши) русская интеллигенция испокон производит с ударением на последнем слоге (это у поляков ударение неизменно падает на предпоследний слог). Например, в старом издании сочинений Мицкевича по-русски приводится литовская песенка, повествующая:

Славный коник есть и тут,
На нем ездит князь Кейстут.
Да и сабелька Кейстута
Из железа тоже гнута.

Неумение Левина обращаться с русским языком проявляется ясно в том, что он очаровательную героиню самой известной поэмы польского поэта именует не *Гражина*, а *Гражина* (!).

Ну, он сам себя уже и наказал. Его версия "Будрысов" — топорная, корявая и антихудожественная; да еще и, прибавим, никакой исторической точности или верности первоисточнику у него и в помине нету. У Мицкевича стоит просто *кони*, у Пушкина *лошади*. А он откуда-то взял *трех коней*. Маловероятно, чтобы молодой рыцарь, пускаясь в поход, брал с собою только *одного* скакуна: обычно ездили минимум *одвуконь*. Лошадь может захромать, а то и пасть; в каком положении очутится всадник? Да и продовольствие на дорогу, запасное оружие, одежду надо же с собою взять! Помимо уж вопроса (у Пушкина и у Мицкевича оставленного открытым), что в таких случаях, как правило, захватывали с собою слугу или оруженосца (а то и нескольких). Наивно и рассуждение, будто старик-отец, беседуя с юношами-сыновьями, не может называть их *дети*. Так делают и теперь; а в старые времена оно являлось нормой, о чем говорят исторические свидетельства.

Подлинный-то Будрыс сыновей позвал на *dziedziniec*, то есть попросту собрал вокруг себя на крыльчке либо на завалинке; а левинский — их *вызывает на мызу*. Откуда? Что они, живут от отца отдельно? Из какого пальца это высосано?

Выразим убеждение, что прочти великий Певец Литвы мазню Левина, — не поблагодарил бы его! Об эдаких переводах подобает сказать словами Тургенева о Кетчере:

Перепер он нам Шекспира
На язык родных осин.

"Континент" № 60. Прошлый выпуск явился взлетом, по причине дивных рассказов Солоухина; опубликованных, правда, уже и в СССР (но там — с купюрами). Теперешний — образец свободного и ускоренного падения.

Литературные материалы — по качеству ниже ноля. С неприятным оттенком юродства В. Кривулин окрестил свое безвкусное эссе "Путешествием рядом с Батюшковым"; но о Батюшкове — поэте замечательном и недооцененном — ничего, кроме вздора, не говорит. Да еще и позволяет себе писать имени Батюшкова и Баратынского с маленькой буквы! Повесть в рассказах Э. Шухмана — какое-то отталкивающее ерничество. Особенно противны его кощунственные выходы по адресу православного и католического Бога (которых он, очевидно, считает за двух разных). Вероятно, оный Шухман — не христианин, и в христианстве ничего не понимает.

Ю. Алешковский ухитрился (что не так легко!) соорудить **скучный** детективный рассказ. Увязая в сквернословии и в уродливых порнографических ситуациях, трудно состряпанную им ахиною и дочитать-то до конца; а уж обсуждать ее и вовсе не хочется.

Р. Зиманд, в нудной-пренудной наукообразной диссертации "Мертвый дом живых людей", неграмотно передает название книги Сильвио Пеллико "Le mie prigioni" по-русски как "Моя тюрьма", вместо общепринятого "Мои темницы". Видимо, он, по незнанию итальянского языка, не в состоянии отличить множественного числа от единственного.

В отделе рецензий разбираются книги столетней давности, которые мы все давным-давно читали и анализировали. Если они кому и интересны, то лишь людям, не умеющим читать ни на одном языке, кроме русского. Специально гадки рассуждения Н. Тюльпанова о власовцах, по поводу книги графа Н. Толстого "Жертвы Ялты": "Вряд ли автора книги можно заподозрить в оправдании предательства..." etc. Мы не нуждаемся в прощении палачей России, и еще меньше — тех людей, которые, вчера лишь покинув родину, продолжают о вещах судить с советской точки зрения, во всей ее тупости и звероподобности!

Отвратительнее всего в номере — открытое письмо Г. Владимова, посвященное охаиванию Солоухина. Автор "Верного Руслана", снедаемый плохо прикрытой завистью, возводит на одного из самых талантливых и честных писателей современной России (скорее всего, **самого** талантливого и **самого** честного) бессовестные и до смешного необоснованные поклепы.

Солоухин, в серии блестящих очерков, описывает встречи с подсоветскими писателями. Чего же бы более естественного и уместного? Он сам — видный писатель, член Союза Писателей, и долгие годы вращался в их среде. Да ведь и читателю интересно: речь о людях нам небезызвестных; одних мы читали, о других, по крайней мере,

слышали. А Владимов усматривает тут само-рекламу! Да ведь Солоухин гораздо крупнее, чем упоминаемые им Щипачев, Безыменский или Стаднюк, и минимум наравне с Евтушенко и Сельвинским. И зачем бы ему замалчивать, что имел беседы, по профессиональным делам, с Фурцевой и Андроповым? Если же он приводит слышанную им о себе (и вполне заслуженную!) фразу, что он "старается быть допустимо правдивым", то ему ее, наверное, не раз и разные люди действительно говорили. Что позорного, если Солоухин служил по мобилизации, во время войны, в части, несшей охрану Кремля? Вот если бы охрану концлагеря... И нужно порадоваться, что он не попал на фронт и там не погиб. Но Владимов требует, чтобы он жалел и каялся, зачем уцелел!.. Не будем продолжать. Солоухину-то стыдиться нечего, а вот Владимову, хотим надеяться, когда он протрезвится от мелких и недостойных эмоций, будет стыдно за его **письмо в редакцию**.

Совсем уж некрасиво передернул Владимов смысл рассказа "Бархатный пиджачок". Там именно речь о том, что, имея драгоценную коллекцию икон, Солоухин не находил денег на покупку (для дочери) модной французской курточки. А ему приписывается торгашество, и чуть ли не спекуляция священными предметами!

"Вестник Р. Х. Д." № 156. Н. Струве заканчивает передовицу о событиях в СССР строкою из Блока:

Теперь твой час настал. Молись!

Мы-то за Россию молились и дальше будем. Но вот чей час настал? Опасаемся, что с редактором "Вестника" у нас не вполне те же ценности. Одна из его главных задач последнего времени — борьба с культом новомучеников. А мы ему в этом не сочувствуем. Ну да что мы... Но вот нельзя уже отрицать, что и вся верующая Россия оказалась в данном вопросе не на его стороне, а на стороне Зарубежной Церкви (которую Никита Алексеевич страх как не любит!).

Номер сплошь посвящен Ахматовой. Нужен ли такой уж ажиотаж вокруг ее имени? Прав Д. Бобышев, трезво констатируя: "Я не хотел бы превращать Анну Андреевну в предмет неумеренного обожания уже потому, что в Библии сказано: "Не сотвори себе кумира".

Чересчур яркий свет не всегда и благоприятен для личности покойной поэтессы как человека. В беседе с П. Лукницким она дает сведения о себе, мягко выражаясь, нецеломудренные (чтобы не сказать нечистоплотные). Оказывается, она потеряла невинность задолго до брака, в чем и призналась Гумилеву перед свадьбой. На того сия пикантная подробность произвела очень тя-

желое впечатление. И вот в этом, в отношении жениха к ее небезупречному прошлому, мадемуазель Горенко увидела нечто смешное и даже неприличное! Далее, мы узнаем, что она превратила существование мужа в подлинный ад, и покинула его, как только ей вздумалось. Он же вел себя по-рыцарски, и хотя и с горечью, беспрекословно дал ей развод. Хорошо хоть то, что она "перед Николаем Степановичем чувствовала вину".

Которая ей не помешала некрасиво составлять донжуанский список Гумилева и тут же утверждать, будто он ее одну в жизни любил (ложность этого мифа справедливо разоблачила в своих воспоминаниях проницательная Н. Мандельштам). Ревность обиженной женщины? Но разве у нее было право ревновать?

Чудовищны ее ядовитые наблюдения, что мол Гумилев, как правило, ухаживал только за свободными девушками и чуждался адюльтерных связей с замужними женщинами. Тут она видит извращение, патологию, которую пробует извинить фрейдистскими изысканиями. До чего надо запутаться в декадентском аморализме, чтобы подобные словоблудия изрекать! И не странно ли читать их в журнале, на обложке которого, как-никак, стоит слово христианский?

В заметке "8 часов с Ахматовой", Струве с некоторым простодушием информирует нас о нижеследующем: она ему сказала ряд гадостей о Г. Иванове, И. Одоевцевой и о некоей Лафит (отнюдь не по секрету). Однако он с публикацией подождал, пока эти лица умрут (хотя ведь Одоевцева вроде бы еще и жива; но в СССР), и предает ее отзывы гласности лишь теперь, когда, понятное дело, обвиняемые уже не могут возражать, оправдываться или объясняться! Лафит, дополняет он, даже могла бы ему, при жизни, сделать и какие-то служебные неприятности. Римляне учили о покойниках не выражаться плохо; редактор "Вестника Р. Х. Д." явно придерживается противоположной точки зрения. Что же, подходя к вещам практически, она, без сомнения, гораздо и удобнее.

"Время и Мы" № 104. И тут воют с Шафаревичем. Но у Е. Эткинда все обстоит просто, по законам готтентотской логики. Применять расистские теории к евреям — преступно и недопустимо; применять их к русским (а то и к славянам вообще?) — резонно и похвально. С людьми, у кого 2 меры и 2 веса, — мыслимо ли спорить; и стоит ли?

Очень интересны зарисовки Д. Азбеля о временах Нэпа и начала сталинизма, выдержанные в тоне эпического спокойствия, но убийственные для зарождавшейся тогда советской элиты.

Художественная часть журнала безнадежно

слаба; как, увы, и в "22", и в "Континенте". Что же делать; не скрывать же правду?

"Русское Возрождение" № 45. В отличие от разобранных выше печатных органов, независимый русский православный журнал в Нью-Йорке относится к "Памяти" с видимой симпатией и перепечатывает, в частности, ее обращение, откуда воспроизведем один абзац: "Была безжалостно растоптана и ископана наша многовековая культура, в России, например, погибло 40% всех памятников архитектуры, в лагерях сгнили многие талантливые деятели нации и культуры, десятилетиями замалчивалась или извращалась наша история".

А. Морозов, в статье "Аз, буки, веде, глагол, добро, есть", совершенно напрасно пытается спорить с Пушкиным, отмечавшим, что названия букв славянской азбуки представляют собою отдельные "выбранные для начального их звука" слова, и нет оснований составлять из них, в их последовательности, некий осмысленный текст.

"Наши Вести" № 413. В редакционной передовице правильно указывается, что: "В СССР существует сегодня 3 противоборствующих идеологии: официальной, партийно-коммунистической противостоят, к сожалению, 2 других, да еще взаимно-враждебных — прозападная с интернационально-демократическим уклоном и "антизападная", с уклоном национально-патриотическим".

Еще более умны и уместны слова В. Тростникова, который, обращаясь к эмиграции "от имени православных христиан, живущих в России", констатирует: "Революция в России, из-за которой мы оказались физически разобщенными, была попыткой построить на земле безбожное божье царство. Искусственно разогрев в себе ненависть к старому миру, революционеры разрушили его до основания и начали осуществлять свой проект. И сразу же натолкнулись на неприятную неожиданность: новая жизнь, которую они видели в своих мечтах такой прекрасной, оказалась безобразной. Что им оставалось делать? Публично признать свое фиаско, объявить, что в расчеты вкралась ошибка? Нет, этого они сделать не были способны — слишком уж долго вынашивалась их мечта о рукотворном рае и слишком тесно она была переплетена с остальным содержанием их безрелигиозного сознания. Как могли они признать проект неправильным, если его санкционировала сама наука! Нет, сказали они, уродливый результат есть результат происков врагов, которые, мешая вести народ в счастливое будущее, являются врагами народа. А раз так, их нужно беспощадно уничтожить, и тогда все будет в порядке. Так начавшаяся пролитием крови революция вступила в еще более кровавую фазу террора. Террор — душа

революции. И это лишь в самом начале он бьет по чужим — в дальнейшем он начинает косить всех без разбора, даже самых, что ни на есть своих"... Вполне логичен и его конечный вывод: "Сейчас надо считать самым актуальным не свободу частного предпринимательства, не расширение гласности и даже не права человека, а официальное признание марксизма ложью, и дарвинизма обманом".

"Беларускі Голас" №№ 348, 349 и 350. Издающаяся в Канаде газета горячо (и мы полагаем, совершенно справедливо!) вступает за права франкоязычного меньшинства, теснимого англоязычным большинством.

Как обычно, мы находим здесь много ценных сведений о происходящем в БССР: о деятельности Народного Фронта "Адраджэньне" под руководством известного писателя В. Быкова, о возникновении ряда неофициальных объединений и журналов и о борьбе против них со стороны советского правительства.

Опираясь на статью Н. Павленко в "Московских новостях", газета сообщает (к сожалению, не уточняя), что Сталин вел переговоры с Гитлером, когда немцы стояли под Москвой, соглашаясь отдать Германии Прибалтику, Украину и Белоруссию. Если такие предложения и впрямь делались, то немцы поступили очень неразумно, их не приняв.

"Русская Мысль". М. Блинкова начинает свою статью ("Мы говорим — партия, подразумеваем — Ленин") в № от 3 августа со вполне убедительной критики ленинизма; но затем переходит, к сожалению, к совершенно немотивированным атакам на В. Солоухина, изображая его шовинистом и ксенофобом. На деле, он как раз является активным защитником всех нацменьшинств: вогулов ("Сосьвинские мотивы"), казахов ("Кумыс"), абхазов ("Забастовщики"), бурят ("Главный лама Советского Союза"), черкесов ("Кабардинский поэт"). В журнале "Дружба народов" № 5 от с. г., Ф. Урусбиева специально отмечает даже его заступничество в печати за "основоположника якутской поэзии А. Кулаковского". Как факт, Солоухин в своем творчестве постоянно возвращается ко вреду, который большевики наносят национальным меньшинствам в России: так что укорять его за ограниченный национализм никак уж не приходится. Неудачна и попытка противопоставить ему Д. Штурман. У той, допустим, при разоблачении Ильича и его наследства, — иной подход и иные приемы. Но конечные ее заключения ни в чем не противоречат радикально мнению Солоухина.

Зато присоединимся к Блинковой в отрицательной оценке людей как жена Г. Померанца З. Миркина (Блинкова ее почему-то именует **Мирикиной**), позиция которых "определяется соображениями не научного и даже

не политического смысла, а — сентиментального нежелания расстаться с идеалами и иллюзиями молодости — своей или своих родственников".

"Страна и Мир" № 2 (50). Налицо повторение пройденного. Р. Медведев поливает грязью Солоухина, Б. Кушнер — Шафаревича. Не любит редакция мюнхенского журнала русских патриотов! Как нечистая сила в народных сказках не выносит русского духа.

Вызывающе возмутительна фраза И. Мировича в "открытом письме" В. Сендерову под заглавием "Антисемитизм и христианство": "Никакая трактовка христианства не может заслонить очевидный факт: в Новом Завете поведение иудеев, не уверовавших во Христа, мягко говоря, не одобряется". Да, воистину, если от нас требуют одобрить распятие Сына Божия, мы только и в состоянии ответить словами самого же Спасителя: "Отойди от меня, Сатана!". Даже и те, кто считает Иисуса из Назарета только человеком и пророком, — многие ли из них дерзнут одобрить его казнь?!

"Мост над эпохой провала" (лучше бы его назвать "Провал в пустоту") Б. Хазанова — 14 страниц наигранного ломания и толчения в ступе водянистой белиберды в псевдоизысканном слогое, быстро приедающемся, при чтении, до тошноты. Обо всем и ни о чем... Однако за расплывчато возвышенными туманными мыслями угадывается довольно-таки пошлая цель: автор, подпрыгивая и тужась, непрестанно силится дать пинок Солоухину, — и не достаёт; уж очень велика разница в росте. Попытки же возвести в гении второразрядного австрийского писателя Р. Музиля, — которого он отчего-то называет **Мьюзилом** (sic!) — представляются равно ненужными и unsuccessful. Выпишем все же из аморфного эссе Хазанова следующее размышление об авангардизме: "Авангардизм, это своего рода романтизм 20-го века... но не аристократический, а скорее хулиганский".

И № 3 (51). Материалов как будто и много, темы — животрепещущие; но никакой живой мысли не улавливаешь. Г. Буяновский обстоятельно описывает этнические проблемы в США; но что-то уж очень оптимистически и благодушно! Индейцы процветают и умножаются; негры преисправно интегрируются. Так ли, право? Некоторые жгучие точки обойдены молчанием; как, скажем, антагонизм между чернокожими и евреями (о чем подробно рассказывала, в свое время, "Панорама"). По вопросу о происхождении человечества из единого центра, автор предпочитает верить, что "огонек разума засветился не в одном месте и не один раз"; хотя и признает, что современные генетики скорее склоняются к иной, чем он, точке зрения. Добавим, что сравнительная лингвистика тоже

все настойчивее указывает на общую исходную точку.

В статье Л. Пажитнова "Русская мысль и Достоевский" много сомнительного. Но согласимся с тем, что: "Творчество Достоевского забежало далеко вперед времени. В демократической среде 70-х годов, захваченной народническими настроениями, оно пришлось не ко двору и раскрывалось крайне неадекватно".

В очерке А. Клингера "Соловецкая каторга" удивляет, что "верховный правитель Соловков" назван **Петром** Боким. Его вроде бы звали Глебом, как и окрещенный в его честь пароход "Глеб Бокий". О нем некогда упоминал Б. Ширяев, приводя посвященные ему стихи кого-то из соловчан:

Так и уедет, как приехал,

На "Глебе Боком" Бокий Глеб.

"Синтаксис" № 24. Единственное на сколько-то приличном литературном уровне — заметки А. Битова о Пушкине, Гоголе, Некрасове и Чуковском. Художественная проза Л. Петрушевской — неприятный и нечленораздельный бред, как и таковая И. Померанцева. Сей последний, явно пишущий, — пользуясь его собственным выражением, — в **графоманском упоении**, зря пытается говорить по-испански: название реки Миньо не произносится как **Миньи**, даже и на поминаемом им всеу галисийском диалекте.

С. Харламов убедительно доказывает, что в деле **Тухачевского** Сталин отнюдь не был одурочен немцами, и использовал их фальшивку в своих целях.

Передовица К. Любарского озаглавлена "Перестройка и эмиграция". Но под **эмиграцией** он подразумевает только 3-ю; об обеих предшествующих он упоминает, с оттенком презрения, лишь вскользь. Только к третьей Запад прислушивается! — с гордостью восклицает он. Прислушивается-то потому, что она, в массе, угодливо подсказывает то, что ему и нужно. Которая сторона другую обманывает? That is the question...

Приводимые здесь выступления на конференции "Ла перестройка" (sic) в Барселоне, при участии новейших эмигрантов, подсоветских горбачевцев и разнородных иностранцев, — монотонны, хотя и неоднозначны. Ни один из их голосов, несомненно, не соответствует тому, что желали бы слышать подлинная Россия и патриотическая часть первых двух эмиграций.

"Вече" № 33. В. Щубачев с видимым сочувствием цитирует **американского советолога** Дж. Денлопа. Оный является на деле одним из худших врагов России, ибо ловким и лицемерным. Он с успехом манит и соблазняет русских патриотов губительной идеей чисто славянской и чисто православной России; а таковая свелась бы неизбежно к размерам

Московского Княжества и существовать бы не смогла. Но оставим пока его общие идеи, и рассмотрим предлагаемую им и воспроизводимую Щубачевым классификацию политических направлений сейчас в Советском Союзе.

Наиболее симпатичную на наш взгляд группу представляют собою "центристы", к коим Денлоп причисляет В. Астафьева, В. Белова, В. Солоухина, В. Кожина и И. Глазуну, объединяющихся вокруг журнала "Наш Современник". Из остальных группировок он выделяет горбачевцев и затем национал-большевиков, в коим относит М. Алексеева, П. Проскурина, А. Иванова и Ю. Бондарева. Отмечает он еще и неосталинистов (по счастью, отделяя их от националистов). Все эти деления, надо сказать, очень условны; многих писателей, журналистов и общественных деятелей можно бы, смотря по вкусу, помещать в разные категории.

В остальном журнал преимущественно заполнен сообщениями и обращениями, поступившими из СССР. Те, которые проникнуты патриотическим духом, заслуживают, в основном, сочувствия. Но с опасением замечаем пробивающуюся в них струю, — которая должна быть ужасно любезна сердцу помянутого выше Денлопа! — защиты **этнических** русских интересов; и, самое худшее, противопоставления их интересам остальных национальностей России. А это уж и неразумно, и негуманно. Все народы России жестоко пострадали от большевизма, и только вместе и дружно могут от него освободиться. Всякое разжигание межнациональной вражды в СССР есть или безумие, или сознательное вредительство общему делу антикоммунизма.

Поразительные факты рассказывает Ю. Штейн в заметке "Правосудие торжествует" о процессе Демьянюка! Одного из его адвокатов выбросили из окна с 15-го этажа (закамуфлировав убийство под самоубийство); другого облили серной кислотой; свидетелей защиты не мытьем так катаньем принуждают к молчанию... Будь подсудимый даже и виновен, — допустимо ли прибегать к подобным методам? И можно ли доверять полученным так результатам?

"Новый Журнал" № 168—169. Сдвоенный выпуск содержит, на первый взгляд, разнообразный и богатый материал; но присмотревшись — разочаровываешься. Сумбурный роман В. Яновского, по счастью, закончен. Миниатюры И. Бунина слабы, а порою — и омерзительны (например, "Спят в одной комнате"). Посмертная (тут все сплошь посмертное!) "Сценка из 50-х годов" Л. Ржевского тоже не делает чести его таланту. "Посмертные труды" Ильязда (сиречь И. Зданевича) и вовсе бы не стоило печатать; как и хвалебную о нем заметку Е. Божур. Назвать его изданный

в 1930 г. роман "Восхищение" выдающимся есть ни с чем не сообразное преувеличение. Что же до теперь предлагаемого нам отрывка — он поражает неграмотностью. Что такое в **Отейе**? Правильно и традиционно полагалось бы сказать в **Отейле**; по нынешней ультрамодерной транскрипции, допустим — в **Отее**; но уж **Отейе**, с любой точки зрения представляет собою дикий бред! Парижская улица ре **La Voëtie**, отнюдь не улица **Бозция**. Она увековечивает память французского писателя XVI в. Этьена де Ла Бозси, друга Монтэня. Бозций же по-французски будет не **Voëtie**, а **Воёсе**. Не станем продолжать...

Единственное сколько-то занятное из числа **посмертного** — картинки "Из блокнота 1931—1936 годов" Е. Замятина, отражающие, в сильно утрированной манере, Европу в разгар экономического кризиса.

Живые — не лучше мертвых: рассказы Р. Зерновой и А. Шепиивкера — ни уму, ни сердцу.

В отделе воспоминаний (опять же посмертных) густо представлены социалисты разных мастей. Право, их идеи и увлечения — *vieux jeu*, и в наши дни скучны, если не смешны! Воспоминания об Ахматовой видимо еще и ныне здравствующей Г. Козловской ничего важного не сообщают. Невольно думаешь: не слишком ли уж много пишут сейчас про Ахматову.

Интереснее (относительно) остального "Лето 1924 года в Коктебеле" В. Купченко, о Волошине.

О стихах живых и мертвых авторов, оригинальных и переводных, самое большее можно сказать, — что они посредственны.

Фрагменты "Из архива З. Гиппиус" производят удручающее впечатление: отголоски давних склок вокруг денежных счетов и политических интриг на самом мелком уровне.

В воспоминаниях А. Гольштейн отметим забавную орфографию **отаманка**, вместо **отоманка**. Данный вид кушетки происходит из Турции, именовавшейся в прежние годы **Оттоманской Империей**; автор же, похоже, связывает это слово с **атаманом** (?).

Если комплименты покойному Ильязду под пером Божур незаслуженны и неуместны, то льстивые превозношения живой З. Шаховской под пером И. Чиннова прямо вызывающе нелепы. Он восторгается полученным будто бы ею отличным образованием. Мы же наблюдали и не раз отмечали серьезные в

этом образовании пробелы, включая и неумение пользоваться русским языком. Еще поразительнее утверждение, будто под ее руководством "Русская Мысль" достигла **европейского уровня**! Наоборот, с ее появлением газета вступила в и поныне продолжающийся период культурного упадка, а равно и превратилась из органа в какой-то мере национального в ярко выраженный антинациональный. Чиннов величает Шаховскую **удачником**. Оно не совсем верно: признаем за нею умение угадывать желания западных влиятельных сфер и неизменную готовность таковые выполнять.

Признаем, впрочем, за Зинаидой Алексеевны некоторые твердые убеждения и искренние симпатии либо антипатии, коим она неизменно хранила верность: презрительное отвержение христианской морали (которую она квалифицировала как **буржуазную**), отталкивание от Пушкина (которого она настойчиво, хотя и безуспешно старалась развенчать) и романтическое обожание генсека итальянской компартии Берлингуэра (являвшегося, видимо, ее идеалом героя и мужчины).

Остановимся подробнее на "Заметках о Гумилеве" В. Крейда. Поставим автору в заслугу разоблачение мифа о преклонении Гумилева перед И. Анненским (ложность какого известна специалистам, но не широкой публике). Крейд цитирует в этой связи слова Г. Адамовича:

"Гумилев заговорил об Анненском и сказал, что изменил свое мнение о нем. Это поэт будто бы "раздутый" и незначительный, а главное — "неврастеник". Единственно подлинный поэт среди символистов — Комаровский". Граф В. Комаровский, действительно, поэт талантливый, хотя и малоизвестный. К Анненскому же Гумилев питал уважение не как к литературной величине, а как к своему бывшему учителю, директору гимназии, где учился, и притом — как к человеку, первым оценившему его собственное дарование и ободрившему его начинания.

Интересны и наблюдения о мнениях друг о друге Блока и Гумилева. О Блоке В. Зоргенфрей свидетельствовал: "К поэзии Гумилева относился он отрицательно до конца". Тогда как про Гумилева Крейд правильно констатирует:

"Примечательно, что отношение Гумилева к Блоку заметно позитивнее, терпимее, готовнее к большому приятию и широте".

ПОПРАВКИ

1. Статья В. Солоухина "Мысли и взгляды Ленина" в №53 была перепечатана из газеты "Русская Жизнь" за март 1989 г. Редакция приносит извинения за то, что в №53 была пропущена отметка, откуда материал перепечатан.

2. В №54 в подзаголовке статьи Панина "Что следует называть революцией" на стр. 16 следует читать: "ТЕОРИЯ ГУСТОТ".

В. ПИРОЖКОВА

ВОССОЕДИНЕНИЕ ГЕРМАНИИ?

Началось это в августе, во время школьных каникул. Многие семьи поехали в отпуск в Венгрию, а там пошли в посольство Западной Германии, заявляя, что они хотят туда перебраться. Между ГДР и Венгрией существовал договор, согласно которому Венгрия не имела права выпускать через свою границу жителей ГДР, если у них не было в паспорте выездной визы в другое государство. Я не случайно написала "жители", а не "граждане" ГДР. Правительство ГДР претендует на особое гражданство ее жителей, но боннское правительство этого гражданства не признавало и так и до сих пор не признало. Оно признает только общегерманское гражданство. Каждый немец из ГДР, попавший на Запад, является таким же гражданином, как и житель Западной Германии. Не нужно никакой процедуры, никакой просьбы об убежище, такой человек просто получает западногерманский паспорт, если хочет его иметь. Все желавшие этого жители ГДР получили в посольстве зеленые паспорта и с гордостью их показывали. Но венгерские власти стояли перед проблемой: эти люди с новенькими зелеными паспортами выехали в Венгрию с красными, а в красных не стояло выездной визы в Австрию. Сначала венгры еще придерживались договора с ГДР. Но вот был устроен день открытой границы между Венгрией и Австрией, и тысячи восточных немцев, гуляя, перешли границу. Для них это было необыкновенное переживание: открытая граница! Они бросили все свое имущество, большую часть еще в ГДР, остатки в Венгрии, они ведь шли гулять через границу, но лица их сияли: потянуло ветром свободы, и это было важнее всего, даже и с таким трудом полученного автомобиля, т. к. некоторые приехали на своей машине.

Бегут из ГДР не нищие, не элементарно голодные, бегут молодые, на 80% квалифицированные рабочие и техники, инженеры, врачи, медсестры и пр., бегут те, которые прилично зарабатывали и жили не так плохо по стандартам коммунистических государств. Бегут они от душащей несвободы, от липкой паутины ежедневной лжи, от бесперспективности и изнуряющей скуки унифицированной жизни. Бегут семьи с малыми детьми, одинокая молодежь; молодых среди бегущих немного. Когда день открытых дверей прошел, люди все равно пытались "гулять" через границу и уже "развратившиеся" венгерские пограничники их пропускали. Тысячи перешли в Австрию, где их сразу погружали в поезда и везли в Западную Германию. Между тем в посольстве

Западной Германии в Будапеште набилось много желавших выехать на Запад жителей ГДР. Сначала венгерские власти их не выпускали, затем заявили, что выпустят тех, кто уже находится в посольстве, но что это — единичный случай и больше они выпускать из посольства не будут. Кстати, венгры помогали восточным немцам, брали в свои квартиры женщин и детей, когда в посольстве уже не стало больше места. Но уже через несколько дней венгерское правительство порвало договор с ГДР о запрещении восточным немцам выезжать из Венгрии на Запад. В Австрию потянулся караван людей, пешком, на автобусах, на поездах и даже на своих маленьких машинах, которые здесь называют "траби". Венгры также заявили, что те, кто "гулял" через границу в предыдущие дни пешком и бросил в Венгрии свои машины, могут их забрать. Это было в сентябре. Теперь жители ГДР могли ехать через Венгрию, но для выезда из ГДР в Венгрию им нужна была виза, так что не все могли воспользоваться возможностью выезда через Венгрию.

Только в одну страну восточного блока жители ГДР могли выезжать без визы, а именно в строго коммунистическую Чехословакию. Скоро западногерманское посольство в Чехословакии стало переполняться людьми. Неожиданно похолодало, пошел дождь, а люди с малыми детьми располагались во дворе, в палатках, прямо под навесами, т. к. помещение было битком набито. В противоположность Венгрии, чешские коммунисты не разрешили даже Красному Кресту помочь женщинам и детям. Собралось около 5 тыс. человек. Наконец, чешские власти заявили, что они пропустят этих людей в Западную Германию через территорию ГДР, в поезде им поставят выездные визы. Многие боялись, что это ловушка, но всем разрешили благополучно проехать. Некоторые жители тех мест ГДР, через которые проезжали поезда, вскакивали на поезда и так выезжали на Запад. Один молодой человек рассказывал, что он услышал по радио, что поезд проезжает через их городок. Он бросил все свое имущество, вскочил на велосипед, помчался к железнодорожной линии, бросил велосипед и вскочил на проезжавший поезд. Так он прибыл на Запад.

А здесь представители предприятий уже стояли в очереди и вербовали прибывших специалистов из ГДР, т. к. большинство безработных Западной Германии просто не хочет работать, на предприятиях же острая нехватка специалистов и квалифицированных

рабочих.

Но едва опустело посольство в Праге, в него уже опять стали набиваться сотни и тысячи бегущих жителей ГДР. Стал курсировать анекдот: "Предпоследний беженец говорит последнему: "Товарищ Хонеккер, когда вы будете уходить, не забудьте погасить свет"."

Между тем, 7 октября ГДР праздновала свое 40-летие. Говорились торжественные речи, был заказан хор пионеров, которому подпевали старые морщинистые большевики и особенно противные старые большевички. Старый и больной Хонеккер прославлял ГДР и заявил, что Берлинская стена будет стоять еще сто лет.

Стена еще стоит, хотя и продырявленная, но Хонеккера уже больше нет. Однако расскажем по порядку. Власти ГДР метались: то ввели визу даже для въезда в Чехословакию, то снова отменили, и тогда посольство Западной Германии снова наполнилось, опять пропустили поезда через ГДР, но строго охраняли весь путь, чтобы люди не прыгали на поезда на ходу. Беженцы все текли и текли в Западную Германию разными путями, преимущественно через Венгрию, Чехословакию и Польшу. В этом году в общей сложности (включая и легально выехавших из ГДР) в Западную Германию переселилось около 300 тыс. восточных немцев.

19 октября грянул гром: Хонеккер был лишен всех его должностей и на его место избран Эгон Кренц, более молодой, но в остальном ни в чем не отличавшийся от непоколебимого коммуниста Хонеккера. Однако Кренц обещал реформы. Министр-президент Штоф, тоже из "старой гвардии", он только на год моложе 77-летнего Хонеккера, должен был немного позже уйти со своего поста. Парламент ГДР, в котором началась первая робкая дискуссия — до сих пор все только хлопали и поднимали руки, когда им предлагали голосовать, — утвердил на место премьер-министра Ганса Модрова, на которого возлагали надежды как на возможного реформатора.

Между тем бегство продолжалось. В Западной Германии были заполнены все помещения, приготовленные для прибывающих жителей из Восточной Германии. Стали для этого использовать казармы и даже бункера.

Среди восточногерманских городов застрельщиком был Лейпциг. Уже больше года в этом городе каждый понедельник в лютеранской церкви собирались оппозиционно настроенные люди — и для молитвы, и для беседы, и для требования изменений. Долгое время на них обращали мало внимания как на якобы небольшую группу. Но теперь эта группа вышла на улицу, и к ней

сразу же присоединились десятки, сотни тысяч, до двухсот тысяч набивалось на огромную лейпцигскую площадь, приезжали из других городов на "лейпцигский понеделник".

Требования реформ становились все радикальнее, демонстрации все мощнее. Возникали они и в других городах, в частности в Восточном Берлине.

И вдруг 9 ноября границы открылись! Жителям ГДР разрешили ездить на Запад, когда они хотят и сколько они хотят. Этому открытию границ предшествовал проект закона относительно поездок за границу, предусматривавший длительную процедуру проверки желающего поехать, проект, мало отличавшийся от прежней практики и сразу же забракованный демонстрантами.

Границы открылись сразу и неожиданно. Берлинская стена осталась стоять, но на нее сразу же полезла молодежь, лезли на стену, через стену, танцевали на стене, а недавно еще грозные пограничники, стрелявшие в каждого, кто только приближался к стене, стояли и мило улыбались.

В стене начали пробивать дыры, чтобы сделать больше проходов. Также и вдоль всей границы ГДР начали открывать переходы. Восточные немцы хлынули на Запад. Сначала берлинцы, им ближе всего. Хотя для посещения Западной Германии все еще нужна виза, которую, однако, ставят без бюрократических волокит, в первые дни выпускали и без визы. То, что десятилетиями считалось тягчайшим преступлением, за что убивали на стене и на колючей проволоке, за что сажали на годы в страшные тюрьмы и лагеря, стало вдруг нормальным, обычным, доступным.

Разыгрались драматические и трогательные сцены. Родственники, друзья, искусственно разделенные десятилетиями — Берлинская стена стоит 28 лет, — бросились друг другу в объятия, плакали. Да и те, у кого на Западе не было ни родственников, ни друзей, часто не могли говорить об этом без слез. Многие не думали, что доживут до такого необыкновенного момента. Западные пошли навстречу восточным, держали магазины открытыми и вечером (в Западной Германии магазины должны закрываться в половине седьмого вечера), подбросили южных фруктов в магазины, особенно бананов, которых в ГДР почти совсем нет, а если и бывают, то втридорога. И мне невольно вспомнилось, как мой отец, когда я была уже студенткой в Ленинграде, посетив меня, принес раз с Невского с сияющим лицом два банана и кусочек ананаса: "Я хочу, чтобы ты попробовала, — сказал он, — раньше я очень любил бананы". В СССР их не было совсем, и вдруг появились, отчаянно

дорого, но чтобы попробовать один раз, можно было заплатить и очень дорогую цену.

Западные немцы дарили восточным бананы, апельсины, мандарины... На втором месте стояли пластинки и всякие электронные аппараты для телевидения, кассеты, ленты. Но на какие деньги покупать? Восточная марка вначале была в 10 раз дешевле западной, но вскоре упала в два раза, т.е. стала в 20 раз дешевле, за 200 своих марок они получали 10 западных, а жалованья в ГДР не такие уж большие. Вначале некоторые торговцы пошли так далеко, что меняли восточные марки на западные один на один, конечно, только для покупок тут же. Но долго они не могли так поступать, они бы разорились. Уже давно в Западной Германии введено правило, что каждому посетителю из ГДР государство дарит 100 марок как "приветственные деньги". Но прежде приезжало немного пенсионеров, они были счастливы, что могут купить хоть какие-то гостинцы внукам. Теперь же хлынули не тысячи, а миллионы. У дверей банков и других учреждений, где давались эти деньги, выстроились очереди. Дают их, правда, раз в год, ставят штемпель в удостоверении личности, и на другой день или хотя бы через неделю деньги тот же человек получить уже не может. И все же потребовались огромные суммы.

С другой стороны, хотя восточные немцы и были благодарны за эти деньги, у более совестливых возникло впечатление, что они нищие, получают подачку, хотя все они много работают и, казалось, могли бы заработать на бананы своим детям. Ведь не за меховыми шубами или шикарными машинами они гонялись, а за дешевыми для здешнего жителя южными фруктами. Естественно, эти чувства и наглядное сравнение с жизнью на Западе еще больше подогрели негодование против коммунистического режима. Лозунги и требования демонстрантов стали смелее и резче.

Между тем левому социал-демократу, правящему западноберлинскому бургомистру Вальтеру Момперу удалось сразу организовать в Западном Берлине митинг, заставивший задуматься. На этом митинге в Западном Берлине кто-то все время подымал знамя ГДР, хлопали Момперу, Вилли Брандту, даже еще и Геншеру, но освистали прилетевшего из Польши канцлера Коля. Эти настроения никак не соответствуют симпатиям и антипатиям восточногерманского населения, опросы среди бежавших и переселившихся из ГДР показали, что 63% будут голосовать за христианских демократов.

В Западной Германии идет "великий спор" о том, как и когда помогать ГДР. Коммунисты и их приспешники настаивают на том, чтобы помощь дали бы сразу, в большом количестве и без всяких условий. Они выдвинули лозунг о том, что, мол, западные немцы хотят взять восточных под свое покровительство, что народу надоело кого-то слушаться, что он не хочет теперь слушаться и западных немцев. В ту же дуду дудят и западные социал-демократы. Христианские демократы резонно отвечают, что они никому ничего навязывать не хотят, поэтому они и хотят обожждать свободных выборов в ГДР, а если произойдут действительно свободные выборы, то западногерманское правительство признает их результаты, какими бы они ни были. Кроме того, промышленники хотели бы иметь хоть какую-нибудь гарантию успеха их капиталовложений. Нельзя все же забывать, что в прошлом Западная Германия валила миллиарды разным коммунистическим странам, и все это проваливалось в дыру планового хозяйства.

В ГДР зашевелились так называемые "блоковые партии". Как известно, в ГДР всегда были разрешены христианско-демократическая, либеральная и национально-демократическая партии, но никакого самостоятельного значения они не имели, некоторые из их членов включались в избирательный блок, за который потом избиратели отдавали огулом 99,9% голосов. Вместо "блока коммунистов и беспартийных" был блок разных партий, но их члены только подпевали единой социалистической партии, как она называлась после насильственного слияния коммунистов и социал-демократов.

Развитие идет так быстро, что никак не дописать статьи и надо где-то кончить, хотя, когда журнал выйдет в свет, положение будет, вероятно, уже иным.

Лейпцигские понедельники продолжают — пишу я это в начале декабря 1989 г., — причем демонстранты постоянно выкрикивают: "Народ — это мы". Все чаще появляются лозунги, требующие воссоединения Германии. Под давлением народа коммунисты сначала вычеркнули из конституции параграф о руководящей роли единой социалистической партии (коммунистов), Народная камера (парламент) приняла почти единогласно это решение. 3-го декабря вдруг ушли в отставку ЦК и политбюро. Кренц занимал свой пост лишь несколько недель. Теперь создано временное руководство партией, и она намерена регенерироваться при помощи фанатичных коммунистов, которые, как ни странно, еще существуют. Удастся ли коммунистам снова стать на ноги, будет, возможно, уже ясно, когда этот номер журнала

выйдет в свет.

Тем временем западногерманский канцлер Гельмут Коль неожиданно для своих коалиционных партнеров в Бонне и для западных союзников выступил с планом воссоединения Германии. В 10 пунктах он приблизительно намечает шаги, которые можно будет сделать для воссоединения. Причем надо различать между конфедерационными элементами, как, например, созданием общих комиссий для решения насущных текущих вопросов, охраны природы, хозяйственных проблем и многого другого, и окончательной федерацией, которая должна стоять в конце этого процесса. Важно, что Коль предлагает не конфедерацию, которую предлагали в прошлом сами коммунисты и социал-демократы, а именно федерацию. Конфедерация предполагает существование двух независимых государств, которые, однако, образуют надгосударственный орган, долженствующий решать самые важные общие вопросы. В остальном же оба государства самостоятельны и могут иметь совершенно разные политические и хозяйственные системы. Федерация же предполагает общее государство. Иными словами, Саксония, Тюрингия, Мекленбург стали бы такими же землями внутри федерации, как Бавария, Гессен и пр. От неожиданности социал-демократы сначала присоединились к этому плану, но потом сообразили, что делают этим пропаганду для Коля — популярность его партии сразу возросла, — и начали неуклюже отмежевываться. То же самое сделал и коалиционный партнер, свободные демократы, причем их лидер, граф Ламсдорф, уже который раз, совсем не по-аристократически, напротив, весьма вульгарно и несправедливо, напал на христианских демократов, а потом начал отступать. Может быть, это была попытка подготовить избирателей к так называемой "семафорной коалиции" в будущем году, т. е. коалиции между социал-демократами (красные), свободными демократами (желтые, т. к. это их цвет) и зелеными. Будем надеяться, что семафорная коалиция обречена на неудачу, что ее не будет.

Вспокоились и все другие страны, причем и западные. Сначала Горбачев высказался против воссоединения, но уже через несколько дней Шеварнадзе заявил, что в будущем возможен разговор о воссоединении. Отрицательно отнеслись и западные союзники. Итальянцы прямо высказались против воссоединения, причем вместе с Горбачевым, когда тот был в Италии; г-жа Тэтчер сказала, что этот вопрос, может быть, станет на повестку дня через 10—15 лет, но не сейчас. Неуверенно реагируют и США.

Но г-жа Тэтчер ошибается. Вопрос о воссоединении Германии уже стоит на повест-

ке дня. События развиваются гигантскими шагами, и без помощи танков вряд ли удастся противостоять элементарной воле народа к единому национальному государству. А кто решится в данный момент послать танки? Поэтому уже начались разговоры о том, как будет выглядеть воссоединенная Германия, и вот тут-то каждая из сторон, естественно, старается выиграть шанс для себя. Горбачев скорее всего согласился бы на нейтральную воссоединенную Германию. Буш сказал, что вся Германия должна стать членом НАТО, но на что, конечно, не пойдет Горбачев. Киссинджер, тоже понимающий, что теперь трудно противостоять стремлению немцев к объединению, говорил что-то о возможности сохранения военных баз как американцев, так и СССР на территории объединенной Германии, одних на Западе, других на Востоке. Мне это представляется невозможным.

Хотя Коль всячески успокаивает западных союзников, заявляя, что воссоединение Германии ни в коем случае не произойдет вне Европы, мне лично кажется, что тенденция клонится к нейтральной объединенной Германии и что Коль, умело вставший в данный момент во главе этого течения, может быть сметен в сторону, если он будет крепко держаться западных союзников, а эти последние будут тормозить движение. Французы не были совсем неправы, когда сказали, что Европа Коля похожа скорее на общий европейский дом Горбачева, чем на Европу Брюсселя. Вот как раз в этом может и заключаться смысл того, что советские коммунисты отступили от своих восточноевропейских коммунистических вассалов. Все идет так быстро, что производит иногда впечатление инсценировки. Особенно в Чехословакии, где еще вчера были почти что самые железобетонные коммунисты, весь переворот занял 12 дней, и те же железобетонные единогласно и без малейшего сопротивления отказались от своей ведущей роли. Даже в Болгарии этот пункт вычеркнут из конституции, а уж на что болгарские коммунисты были верноподданными! Не из верноподданства ли они и лишают сами себя так быстро ведущей роли? Не дан ли им такой приказ?

Видимо, это единственный способ постараться достигнуть очень старой цели Советского Союза: роспуска обоих военных блоков. Причем не надо забывать, что все члены Варшавского блока связаны друг с другом билатеральными военными договорами, так что роспуск Варшавского пакта не изменит ничего, тогда как роспуск НАТО сейчас оставил бы западные страны без союзников. Надеемся, что если НАТО и будет распущено, то предварительно западные

страны заключат между собой билатеральные договоры. Это не будет трудно сделать между США, Англией, Францией, Италией, Испанией, но как будет с объединенной Германией? Мы уже сказали, что опасаемся ее нейтрализации.

Социал-демократы и свободные демократы требуют, прежде чем об этом заговорили сами поляки, чтобы Коль внес в свой план 11-й пункт, именно гарантию западных границ Польши. Это нелепо, т. к. Западная Германия не может говорить от имени будущей объединенной Германии, кроме того, нельзя предвосхищать мирный договор.

Если мы сбросим со счетов сталинистскую Румынию, в Польше развитие пока было приостановлено ловким маневром назначения некоммунистического премьера с оставлением всех ключевых позиций в руках коммунистов, но о Польше в нашем журнале говорится отдельно.

P.S. В ночь на 10 декабря во время заседания, продолжавшегося всю ночь, новым председателем единой социалистической партии ГДР (председателем, а не генеральным секретарем) был избран адвокат Грегор Гизи, 41 года. Западные медики хвалят его как реформатора, который, будучи адвока-

том, защищал оппозиционеров еще при прежних генсеках. Гизи сразу дал интервью обеим западногерманским телевизионным программам. Он говорил, что он — коммунист, верит в идеалы бесклассового общества, но усиленно подчеркивал социал-демократические и пацифистские корни своей партии, которая останется, только на будущей неделе получит новое название, как это было в Венгрии.

У Гизи очень хитрое, неприятное лицо, создавалось впечатление, что он очень хорошо знает, что он делает, и в душе подсмеивается над наивными западными корреспондентами. Его кандидатура, видимо, подготавливалась давно, отсюда и разрешение в прошлом защищать оппозиционеров. Судя по его высказываниям, например, о его намерениях тесно сотрудничать с западногерманскими социал-демократами и социал-демократических корнях его партии, линия ведется на достижение в Западной Германии "семафорной коалиции" и, если воссоединения, то одновременной нейтрализации воссоединенной Германии. Коль пока взял инициативу идеи воссоединения Германии в свои руки, но Горбачев воссоединения не допустит, пока инициатива находится в руках христианских демократов.

Т. МЯНОВИЧ

КОЕ-ЧТО ДЛЯ ЛУЧШЕГО ПОНИМАНИЯ ПРОИСХОДЯЩЕГО В ПОЛЬШЕ

В 1989 году позиции Солидарности снова укрепились: профсоюз действует снова легально в общественности, хотя число его членов сильно уменьшилось по сравнению с 1980—81 годами. В сейме и сенате заседают представители гражданского комитета "Солидарность", избранные населением. Однако большинство антикоммунистической оппозиции бойкотировало эти выборы как недемократические. Те же группировки, которые попробовали принять участие в выборах, например, конфедерация "Независимая Польша", допущены не были.

Как новая легализация "Солидарности", так и допущение ее представителей в парламент были решены в переговорах за круглым столом. Хотя рамки будущих соглашений между партией и "Солидарностью" были определены уже в 1988 г. в конфиденциальных переговорах (см. "Под столом", интервью с К. Вышковским в "Культуре", 1989 г., № 7—8, стр. 111 и дальнейшие). Церковь поддерживала идею "круглого стола", папа Иоанн Павел II поставил свое согласие на конкордат с Варшавой в зависимость от успеха переговоров.

Хотя быстрый темп событий в Польше и

в других государствах советского блока не облегчает окончательного анализа, можно все же законно выдвинуть тезис, что теперешняя (осень 1989 г.) политическая конструкция Польши — *tantes proportions gardies* — покоится на идее "польского эксперимента" начала 50-х гг. Изменения диктуются актуальной ситуацией и тактикой коммунистической партии.

Недавно утвержденный пост президента государства остается в руках компартии, тогда как главой правительства сделан католический интеллигент и сторонник "Солидарности" Тадеуш Мазовецкий. Вскоре после своего назначения премьер предложил коммунистам сотрудничество и подтвердил, что Польша твердо остается в Варшавском блоке. Первый иностранный гость, с которым Мазовецкий вел переговоры, был начальник КГБ Крючков, который назвал польского министр-президента "солидным человеком, который точно знает, как надо действовать". (Frankfurter Allgemeine Zeitung, 28.8.1989 г.)

Политическая карьера Мазовецкого дает представление о последовательных фазах "польского эксперимента", который является ни чем иным, как формой сосуществования

католического в своем подавляющем большинстве населения с марксистско-ленинской партией. В начале 50-х годов Мазовецкий был активистом "Пакса". В 1972 г. он был депутатом сейма как представитель группы "Знак". (Обе организации были созданы для раскола Церкви в Польше, обе были коллаборантскими. См. Ю. Мацкевич, "Победа провокации", изд. Заря, Лондон, Канада, 1983 г.)

В 70-х годах Мазовецкий поддерживал диссидентское движение. В августе 1980 г. его привезли вместе с Брониславом Геремком (теперь лидер фракции "Солидарности" в сейме) на правительственном самолете из Варшавы в Данциг. Оба стали играть роль экспертов при стачечном комитете Ленинской верфи и старались уговорить рабочих снять требование свободных профсоюзов как слишком радикальное (см. А. Знамеровский, "Сжимание кулаков", Париж, 1988 г., стр. 52 и дальше). Позже Геремек и Мазовецкий стали главными советниками Леха Валенсы.

В 50-х годах Церковь была единственной силой в Польше, защищавшей интересы общества по отношению к власти, теперь же эту роль старается играть "Гражданский комитет Солидарность". Ввиду хозяйственной катастрофы и политической эмансипации граждан партия фактически отказалась от своей ведущей роли, причем она предоставляет находить выход из кризиса правительству Мазовецкого. Но компартия сохраняет за собой контролирующую роль: в ее руках министерство внутренних дел, министерство обороны, министерство внешней торговли, а кроме того президент Ярузельский обладает далеко идущими полномочиями: его кабинет в 400 человек дублирует все министерства.

Подписанный в июле 1989 г. конкордат укрепил положение Церкви, т. к. она стала юридическим лицом. Одновременно, однако, политическая роль Церкви была урезана тем, что население теперь непосредственно представлено в парламенте. Поэтому кардинал Глемп старается основать христианскую партию.

Сейчас невозможно представить, как будут развиваться события на "опытном поле", тем более, что терпение населения может исчерпаться ввиду тяжелого хозяйственного положения. Однако "польский эксперимент" будет продолжаться. Его принципиальное значение для изменений политической системы в советском лагере начинают понимать все большее число наблюдателей (интервью с В. Е. Максимовым в "Культуре", 1989 г. №7—8, стр. 100, "Pologne le pays pilot" в "Est & quest", 1989, № 68—69, стр. 1). Кажется, что все участвующие в эксперименте заинтересованы в его успехе. 13.9.1989 г. генерал Ярузельский назвал правительство Мазовецкого "лозунгом истории" и добавил: "Сейчас важнее всего, чтобы этот

эксперимент удался". (Речь Посполита, 14.9.1989 г.).

Во время своего посещения Рима, спрошенный об отношениях между Польшей и СССР, Мазовецкий сказал, что старается привлечь население к союзу и сотрудничеству с Советским Союзом.

А. ЗНАМЕРОВСКИЙ

СЖАТИЕ КУЛАКОВ

Отрывки из книги
Париж, 1988

ЗАБАСТОВКА

Гданьск, август 1980

Рассказывает Анджей Колодзей.

Мы ожидали начала переговоров с властями. Во вторник присланная из Варшавы государственная комиссия под руководством заместителя премьер-министра Тадеуша Пыки попробовала установить контакт с представителями нескольких бастующих предприятий, не признавая, однако, МЗК (Междузаводский Забастовочный Комитет). Только через четыре дня дело дошло до предварительных переговоров между представителями МЗК и очередной государственной комиссией, возглавляемой которой стал уже теперь заместитель премьер-министра Мечислав Ягельский. На день раньше приехали из Варшавы инакомыслящие интеллигенты, которые должны были играть роль советников.

После первой же беседы президиума МЗК с Мазовецким и Геремком я почувствовал что-то неладное. Нас старались убедить, будто бы требование о создании свободных профсоюзов является абсурдным и нереальным. Наши собеседники считали, что власти никогда не согласятся на свободные профсоюзы и что если мы не откажемся от этого условия, то последует советская интервенция. Мы выслушали их доводы. Это на нас произвело угнетающее впечатление, поскольку до того настроение среди забастовщиков было радужное. Мы уже жили в атмосфере свободы, о которой в Варшаве не имели и понятия. Пусть извне была полиция, была блокада и постоянные проверки, но территории бастующих заводов представляли собою оазисы свободы.

Мы заявили советникам, что требование о свободных профсоюзах не подлежит обсуждению и что мы никогда не отречемся от борьбы за его осуществление. Однако, несмотря ни на что, в первых сообщениях об образовании коллектива советников при МЗК, там, где речь шла о профсоюзах, вместо слова "свободные" оказалось поставлено слово "самоуправляющиеся". Для нас очень много значило подчеркнуть независимость

профсоюзов, за которую мы боролись; но нам еще труднее было тогда сопротивляться нажиму советников, чем, позже, таковому государственной комиссии.

Через два дня после формирования коллектива советников входившая в его состав доктор Ядвига Станишкис попросила о беседе с президиумом МЗК и сообщила нам, что отказывается от работы в этом коллективе. Она сказала, что готова нам давать советы в частном порядке, но не как член коллектива советников. Причем она предостерегла наш президиум относительно некоторых опасных признаков; а именно, о попытках советников захватить контроль над забастовкой, путем навязывания своей воли и своих воззрений президиуму МЗК. Попытки к тому мы почувствовали с самого начала, и наше отношение к советникам подчеркнули уже на первой встрече, сказав, что просим их только об обработке юридического аспекта существования свободных профсоюзов в рамках данного строя. Нам было существенно юридическое обеспечение, с тем, чтобы потом не вышло неприятностей с регистрацией и с нормальным функционированием профсоюзов.

По другим вопросам мы желали знать их мнение, но решения принимать сами. Мы приняли информацию госпожи Станишкис и ее предупреждение о том, что в поведении известных особ, в особенности Геремека, она видит стремление, — как она определила, — манипулировать забастовщиками и использовать их в каких-то одному ему известных политических целях.

Мы тогда не знали, что Геремек имел, вероятно, некую связь с Гереком. Эти вещи дошли до нас позже. Так же только позднее мы узнали, что советников доставили в Гданьск правительственным самолетом, в момент, когда людей как Куронь и Михник держали под арестом на Раковецкой улице. Это довольно многозначительный факт, что власть сама выбирала людей нам в советники.

За несколько дней до конца забастовки советники уговорили Валэнсу прочитать по радио и по телевидению уведомление, в котором он бы отменял забастовку по всей Польше, кроме Гданьска. Это дело было скрыто от президиума МЗК, и я узнал о нем чисто случайно. По номеру телефона Валэнсы позвонил секретарь гданьского воеводы и сообщил, что текст выступления уже готов. Поскольку Валэнса в этот момент отсутствовал, я взял трубку и никак не мог понять, о чем речь. Секретарь думал, что говорит с самим Валэнсой. Я почувствовал, что происходит что-то странное, и попросил его, чтобы он привез текст на верфь, сказав, что я буду его ждать.

Между тем, я разыскал Богдана Борусевича

и рассказал ему, что происходит. Мы условились, что подождем этого типа, возьмем у него бумагу и посмотрим, что в ней такое. Тот приехал и отдал нам текст. Когда мы увидели, в чем дело, мы сказали ему, что сразу не дадим ответа, потому что вопрос должен быть рассмотрен президиумом. Тотчас же мы созвали совещание. Обычно самые разные люди могли слушать разговоры, а кинематографисты снимать сцены для документальных фильмов; но на сей раз мы выпроводили всех и разговаривали в своем узком кругу.

Оказалось, что Валэнса очень упорно защищает свою позицию и держится за это выступление по телевидению. Ни к чему не послужили наши объяснения, что это повредит всей нашей акции, что если Гданьск останется в одиночестве, то потеряет значение, и забастовку задуют.

Валэнсу очень энергично поддерживали некоторые из советников. Они твердили, что мы вдаемся в политическую авантюру, которая неизвестно чем кончится, и старались всеми способами вырвать у нас согласие на выступление Валэнсы.

Дело дошло до очень резких споров, которые закончились тем, что мы выставили советников за дверь. Остались одни члены президиума.

Это произвело сенсацию среди журналистов. Они стояли, прижавшись носами к стеклянной перегородке, отделявшей зал совещаний от коридора, стараясь хоть что-нибудь услышать. По нашим лицам и жестам они видели, что речь идет о чем-то весьма важном и что дискуссия носит резкий характер. Это было самое бурное из заседаний МЗК за время забастовки. И самое долгое, ибо оно продолжалось четыре часа. Переубедить Валэнсу нам не удалось, но он не смог осуществить свое выступление, так как прошло время телевизионного журнала.

Это событие явилось для нас уже вторым, за срок в две недели, предостережением о том, чего можно от него ожидать. Принятие решения за спиной всего президиума есть предприятие крайне рискованное и отнюдь не безопасное. Нам пришлось в этом убедиться в недалеком будущем. Было несколько таких случаев, из которых надо специально отметить поддержку Валэнсой Ярусельского в феврале 1981 года, Быдгошское дело в марте месяце и требование о диктаторской власти над Союзом в июле того же года.

Еще одна вещь, о которой мало говорилось публично в ту пору, был вопрос о политических заключенных. Известен ответ Валэнсы во время переговоров с правительственной комиссией накануне подписания соглашения: "Мы защищаем людей, но не защищаем КОР (Комитет Защиты Рабочих) и тому подобных",

и ответ Гвязды, что: "Было бы позором для нас, если бы мы об этих людях не упомянули". В последний день переговоров Валэнса зашел еще дальше. В свободной беседе, во время перерыва в обсуждении, он сказал Ягельскому, что власти не обязаны сразу же выпускать политзаключенных. При этом разговоре присутствовали также несколько членов МЗК и советников. Мы добивались немедленного освобождения политзаключенных, а власти предложили заново пересмотреть их дела. Это означало, что люди сидели бы дальше, неизвестно до каких пор.

Ответ Валэнсы, который был председателем президиума МЗК, Ягельский принял как налагающий обязательство. Он предложил вернуться в зал и закончить переговоры. Этому воспротивились другие члены президиума, и Анджей Гвязда принужден был долго объяснять Ягельскому, что эти заключенные должны быть освобождены, потому что иначе не может быть и речи ни о каком соглашении.

Об этих эпизодах публично тогда не говорилось. Однако только в их свете становятся понятны механизмы принятия решения также в плане легальной деятельности "Солидарности". Многие позже упрекали нас в том, что мы тоже несем ответственность за то, что происходило в Союзе. На деле, однако, мы не имели на это влияния. Правильно это понял Кароль Модзелевский, который на заседании Комиссии Крайовой в марте 1981 сказал, что наиболее важные для Союза решения были приняты за спиной Союза.

Все это происходило после подписания договора в Гданьске 31.8.1980 г.

РАЗОЧАРОВАНИЯ

Автор рассказывает, как их запутывали и отнимали время на пустяки.

Но властям хотелось, чтобы Союз был впутан во множество отдельных вопросов и не мог выполнять своих нормальных функций. Мы отдавали себе в этом отчет и постановили: попытаться разрешить этот вопрос раз навсегда. В октябре мы объявили временную предупредительную забастовку, с целью принудить власти к соблюдению соглашений.

Помню, какая паника возникла тогда среди советников. Накануне этой забастовки имел место, после полудня, пленум МКЗ (Междузаводского Учредительного Комитета). Все были сильно возбуждены, так как это должна была быть первая всеобщая забастовка, генеральная проверка сил "Солидарности". Вопрос стоял о престиже, и важно было как можно лучше провести эту забастовку.

Перед собранием меня вызвали в комнату

к Валэнсе. С ним были там советники — Мазовецкий, Геремек, Целинский. После короткого разговора они предъявили текст заявления, отменяющего забастовку, и предложили, чтобы я тоже его подписал, в качестве заместителя Валэнсы. Это меня сразу же взволновало:

— О чем тут речь, какие у вас есть доводы в поддержку такой позиции?

Тогда они сказали, что имеют к тому серьезные основания, и начали запугивать меня советскими танками. Они твердили, что если забастовка не будет сегодня же отменена, завтра танки появятся на наших улицах.

— Откуда вы это знаете?

— Мы располагаем надежными источниками информации и уверены, что все произойдет именно так.

— Я этого не подпишу. Об этом принимала решение более обширная группа, и она же должна бы была решить вопрос об отмене забастовки. Никто другой не уполномочен на отмену.

— Вы накликаете несчастье на всю страну.

— В таком случае я спущусь вниз, где собирается президиум, скажу им, как обстоит дело, и приглашу всех на заседание. Пусть они решают. Я, во всяком случае, против; потому что тут вопрос о престиже, и если мы отменим забастовку, то получится, что наша организация ничего не стоит, и мы зря ее создавали.

— Организация нужна, но нужно все делать разумно. Нельзя сейчас все испортить, зная, чем это грозит.

— Я таких угроз не вижу, а я тоже немножко разбираюсь в делах и имею свои источники информации. Никаких приготовлений к тому, о чем вы говорите, нет налицо.

— Вы еще молоды и не разбираетесь в положении.

— А вы не понимаете того, что мы не имеем права допустить, чтобы Союз с самого начала сделал себя смешным.

Я еще раз повторил, что обо всем осведомлен президиум, и вышел. По пути я встретил Иоанну Гвязду и рассказал ей обо всем. Она опасалась, что они могут сами это подписать; но тут собрались люди и стали обсуждать. Пришли и советники и драматичным тоном объявили, что мы мол толкаем Польшу в пропасть. Это не убедило членов президиума, и решение о забастовке осталось утверждено.

Забастовка состоялась и явилась ярким примером дисциплины, силы и стойкости рабочих.

Позднее Союз занялся приготовлением статута и начал хлопотать о регистрации. Специальная битва возникла в связи с необходимостью включения в статут пункта о "руководящей роли партии". Вывод, который я сделал из ее хода, был похож на тот, какой

напрашивался в процессе августовских забастовок: в некоторых вопросах еще труднее договориться с советниками, чем с представителями властей. Советники считали, что уже достигнуто все, что возможно, что и так уже мы сделали на шаг больше, чем нужно, вырвав у властей согласие на создание "Солидарности".

После долгих усилий удалось создать противовес советникам в виде другого коллектива советников под руководством Куроня. На этом окончилось получение информации из одного только "надежного" источника.

Между тем, дошло до встречи Валэнсы с тогдашним руководителем партии, Каней. Это была встреча, о которой Валэнса никогда не хотел ничего рассказывать публично и на которой было принято решение огромного значения для оппозиционных группировок. Я об этом был сразу же проинформирован через человека, участвовавшего в данной встрече. Власти хотели знать позицию "Солидарности" по отношению к оппозиционным группировкам: кого из них она будет защищать, а кого — нет. Валэнса столкнулся с Каней, что деятели Движения Молодой Польши будут закреплены на работе в администрации Союза и тем самым исключены из политической деятельности. Большинство руководства ДМП на это согласилось. Колебался Олек Галль. Не слишком охотно соглашался и Дариуш Кобзей, который позже был инициатором движения за защиту политических узников. На практике, однако, их организация перестала функционировать.

Наиболее неблагоприятны были принятые условия для Конференции Независимой Польши. Условлено было, что, в случае ареста руководителей КНП, "Солидарность" не будет официально их защищать. Последствия были роковыми, ибо вскоре после того был арестован Лешек Мочульский, и Союз, естественно, ничего не сделал для его защиты.

Возникало опасение, что КОР пользуется чрезмерной симпатией среди деятелей Союза и что всякого рода интриги могут повести к непредвиденным реакциям. В связи с этим Валэнса заявил, что будет добиваться роспуска КОР. Он сказал, что в этом деле часть людей из КОР тоже его поддерживает, так что тут затруднений не встретится. Лучше, однако, чтобы власти не атаковали КОР, потому что они наткнутся на резкую реакцию, на которую руководители "Солидарности" не могут повлиять.

После ареста Мочульского руководство "Солидарности" никак не реагировало и не отозвалось на призывы многих значительных лиц к его защите. Тогда внутри Союза начались острые споры по вопросу о защите политических заключенных. Потому что, как мы должны были это понимать? Мы являемся

независимой организацией и сами были еще недавно людьми, которых коммунисты преследовали, всего еще несколько месяцев тому назад, а теперь мы не хотим защищать одного из таких же людей? Неважно, согласен ли я или кто иной с программой Мочульского, или не согласен, — можно с нею не соглашаться, — но есть же известные правила поведения. Он — независимый политический деятель; и в момент, когда власти его преследуют, наш долг — его защищать. Тем более, что "Солидарность" могла бы его спасти одним своим словом.

Валэнса, однако, упрямо стоял на своем и не допустил никаких действий в пользу Мочульского. Олек Галль, который знал ход переговоров между Валэнсой и Каней, часами спорил с Валэнсой, стараясь его уговорить выступить в защиту Мочульского. Я ему не раз говорил, что с Валэнсой ничего не поделаешь и что надо искать других путей.

Ситуация была парадоксальной. Несколько месяцев тому назад мы могли сидеть в тюрьме, через пару месяцев, может быть, снова будем сидеть, а сейчас мы не хотим защищать политзаключенных! Мы знали, что нельзя поставить этого вопроса на обсуждение президиума, где слово Валэнсы имеет решающее значение. Он был идиолом целой Польши, и множество людей мечтало о том, как бы приехать к нему в Гданьск и пожать ему руку или получить от него автограф. О номерах, какие он выкидывал во время забастовки, никто ничего не знал, потому что, ради выгоды Союза, об этом громко не говорилось. А теперь противоречие Валэнсе, хотя бы и со стороны всего руководства "Солидарности", было бы связано с великим политическим потрясением, которое могло бы иметь для Союза губительные последствия.

Поэтому мы выступили с идеей образования при "Солидарности" комитета в защиту политзаключенных. Однако оказалось, что "Солидарность" ни в коем случае не примет подобного названия, в силу чего, после долгих препирательств, возник Комитет для защиты узников совести, и только с апреля 1981 г. возглавление "Солидарности" стало официально заниматься политическими заключенными.

Пока до того дошло, власти, убедившись, что Союз не будет защищать политзаключенных, арестовали и других деятелей КНП. Массы все настойчивее добивались, чтобы мы выступили в защиту заключенных. Люди считали, что, поскольку я — заместитель Валэнсы, то должен иметь на него известное влияние. А я ничего не мог сделать, так как Валэнса, в разговорах на эту тему, твердил, что Союз не может открыто защищать заключенных, что это было бы вредно, и все время заслонялся Россией, которая, по его мнению,

не допустила бы этого. Единственное, что я мог сделать при таком положении дел, это принять участие в голодовке с требованием об освобождении Мочульского. Этим жестом я хотел выразить свою солидарность с заточенными и показать людям: "Вот, смотрите, это все, что я могу сделать!".

Весь механизм, путем коего советники управляли Валэнсой, вышел на свет Божий после Быдгошской провокации в 1981 г. Возглавитель "Солидарности" был непосредственно руководим Анджеем Целинским и Брониславом Геремек. Целинский устанавливал политику Союза, а главным ее архитектором

был Геремек, который консультировался о делах прямо с Раковским. Целью этих консультаций было согласование того, как Союз должен действовать, дабы правительству не приходилось делать уступки, а "Солидарность" была бы до некоторой степени удовлетворена. Так оно обстояло буквально во всех вопросах.

Беседы, проводившиеся на центральном уровне, являлись, собственно говоря, одной формальностью, потому что все бывало решено заранее, и на практике "Солидарность" не одержала ни одной сколько-нибудь важной победы.

Е. КАРМАЗИН

ОППОЗИЦИОННЫЕ ЗАМЕТКИ

1. Пленум и тирания

19–20 сентября состоялся пленум ЦК. Пленум вывел из политбюро и перевел на пенсию секретаря ЦК (б. председателя КГБ) Чебрикова, секретаря ЦК Никонова (сельское хозяйство), первого секретаря ЦК Украины Щербицкого, а также кандидатов политбюро Соловьева (б. первого секретаря Ленинграда) и Талызина (б. председателя Госплана). Заметим, что чистка коснулась не только последних брежневцев Чебрикова и Щербицкого, но и горбачевцев Никонова, Соловьева и Талызина. Пленум избрал в члены политбюро председателя КГБ Крючкова, перевел из кандидатов в члены председателя Госплана Маслюкова, избрал кандидатами в политбюро председателя одной из палат Верховного Совета Примакова и председателя комитета партконтроля Пуго. Пленум избрал также четырех новых секретарей ЦК, бывших ранее секретарями обкомов, — Строева (Орел), Манаенкова (Липецк), Гиренко (Крым) и Усманова (Татария).

Пленум завершил дело Лигачева — Смирнова, о котором мы сообщали в прошлом номере журнала. Генеральный прокурор Сухарев сообщил, что фамилия Лигачева (с обвинением в получении взяток) была названа содержащимся под стражей (свыше года) обвиняемым, бывшим первым секретарем ЦК Узбекистана Усманходжаевым, который был арестован 19 октября 1988 г. Кроме уже работавших 200 следователей к делу привлекли следователей из Прокуратуры СССР, Главной военной прокуратуры и КГБ, по инициативе которого и началось в 1983 г. расследование взяточничества в Узбекистане (т. е. дело начал Андропов). На первом допросе Усманходжаев вообще отрицал получение и дачу взятку. Затем он показал, от кого он получал взятки, — это было через два дня после ареста. 23 октября в протоколе появи-

лись фамилии руководящих работников ЦК и прокуратуры — 11 человек. Вслед за этим — в заявлении от 25 октября — впервые появляется и фамилия Лигачева (т. е. на шестой день допросов). Однако уже 1 ноября на допросе заместителем генерального прокурора с применением звукозаписи Усманходжаев отказался от показаний в отношении Лигачева. Итак, эта версия продержалась пять дней. 8 марта Усманходжаев сообщил, что он отказывается и от обвинений в адрес других работников центра.

На допросе 17 мая Усманходжаев пояснил: "Следователем Гдяном мне была поставлена задача — дать показания о передаче взятку работникам ЦК и правоохранительных органов, в открытую названы фамилии Соломенцева (б. член политбюро), Капитонова (б. секретарь ЦК), Могильченко, Бессарабова, Смирнова (секретарь ЦК Молдавии), Ишкова, Тербилова (б. председатель Верховного суда) и других. Тогда же мне было сказано, что в связи с моим поведением следствие займется моими детьми. Разговор произвел на меня ужасное впечатление. Мне стало страшно и за себя, и за семью. В камеру я вернулся совершенно подавленный. Вместе со мной там находился парень. Он мне стал рассказывать, что следователи будут проводить очные ставки, "забыют", и поэтому лучше признать какую-то сумму. Он мне привел пример о бедственном положении Осетрова, который вроде бы сам создал себе невыносимые условия из-за своего упрямства и нежелания признаваться. Я не знал, что мне делать, колебался. Было непонятно, что мне следовало признавать. В конце концов пришел к выводу, что нужно писать заявление с признанием. Меня принял следователь Гдян. В течение двух с лишним часов продолжалась целенаправленная психологическая обработка. Мне разъяснялось, что если я буду молчать, то только облегчу работу следователей, кото-

рые будут свободны и выявят столько, что мне трудно представить. Захочу, — заявил Гдлян, — за тобой будет 7 миллионов (рублей) взятки. В ходе следствия я пытался отказаться от показания дачи взятки вверх. Следователь Иванов уговаривал меня не отказываться от "верха". Он говорил, что "верх" — мое спасение, мой "зонтик" и за него надо держаться. Если бы не было "верха", мой вопрос был бы давно решен".

В прокуратуре СССР был допрошен Лигачев (член политбюро), который расценил заявления Усманходжаева о передаче ему денег как явную клевету и оговор, а также Малышев, бывший сотрудник охраны Лигачева, Легостаев и Таранов, сопровождавшие Лигачева в командировке в Узбекистане, и Михайлов (работник аппарата), которые заявили, что никаких подношений Лигачеву не было. В связи с чем уголовное дело в этой части (Лигачева) прекращено за отсутствием состава преступления. Прокуратура прекратила дело и в отношении Смирнова, б. зав. сектором в Орготделе ЦК, а потом второго секретаря ЦК Молдавии. Совершенно определенно и ответственно могу сказать, заявил генеральный прокурор, что в отношении этих работников показания добывались теми же методами шантажа и фальсификации.

В связи с многочисленными сигналами о нарушении законности в следственной группе, возглавляемой Гдляном, возбуждено и расследуется уголовное дело. В прокуратуру поступили сотни писем и заявлений, и не только от арестованных и осужденных, их близких, но и от должностных лиц, ветеранов войны и труда, народных депутатов, с конкретными фактами — об издевательствах, которые творились именем закона. Люди сообщали и сообщают о незаконных задержаниях и преследованиях, о неправомерном изъятии личного имущества, нарушениях трудовых и других прав граждан. Уже установлены вопиющие факты произвола: десятки (?) незаконных задержаний и арестов ни в чем не повинных граждан, их содержание под стражей от нескольких дней до девяти месяцев (и выше!). Распространенный характер носили семейные аресты, престарелых лиц, многодетных женщин. Эти акции использовались как противозаконный метод понуждения допрашиваемых к даче нужных следствию показаний. Идут показания о физических насилиях над арестованными, унижениях личного достоинства, угрозах расправы в отношении родных и близких.

На службу этого беззакония была поставлена, сказал генеральный прокурор, новая теория об обязанностях обвиняемого доказывать свою вину. В результате шантажа и угроз оговаривали себя и других. А фактически сдавали следователям свои сбережения,

либо деньги, взятые у знакомых под расписку. Нами получены и такие показания, а также нотариально удостоверенные документы. Скажем, граждане Алимов, Полуниязов, Бесчанов собрали у многих знакомых более 500 тысяч рублей и передали в виде "откупного" следователям. Да, сказал генеральный прокурор, я тоже задумался, попробуй собери 500 тысяч рублей, мы знаем — это не так просто. А оказывается, это возможно (в Средней Азии?). Это подтверждается показаниями многих и многих десятков свидетелей, которые давали сами и собирали у других деньги. Документально подтверждают, что шел сбор таких денег.

Лигачев в своей речи сказал: "Вряд ли надо говорить о том, чего я натерпелся за эти месяцы. Рубцы, конечно, остались. Стоило мне весной прошлого года однозначно высказаться против перекройки границ двух закавказских республик, статьи говоря, просто сказать о постановлении ЦК, принятом в феврале прошлого года, как ходы не замедлили последовать. Все это идет из одного известного угла. Если вещи называть своими именами, идет откровенная борьба за власть. Погибли сотни, появились тысячи раненых, сотнями тысяч насчитываются беженцы. Вчера Михаил Сергеевич сказал, что не надо нервничать".

Смирнов, просидевший в тюрьме под следствием 4,5 месяца, сказал: "Мнение" Гдляна отражает определенные кризисные тенденции уже внутри самой перестройки. Оно стало зеркалом времени. Как и сам Гдлян стал знаком явления по имени "застрельщина". Именно Гдлян с Ивановым выступают среди "застрельщиков" наиболее активно и нагло, делая провокационные заявления о взяточничестве в отношении руководящих партийных и государственных деятелей. Предметом постоянных грязных инсинуаций остаюсь я, сказал Смирнов, став препятствием на их преступном пути, не пойдя на оговор честных людей и категорическим образом отвергнув сфабрикованные против меня чудовищные грязные обвинения. И сейчас ими все делается, чтобы опять же оставить меня, по выражению Иванова, "в закладе", шантажировать тем самым других. Но беда не во мне, а в глобальности масштабов повторяемого эксперимента 30–50-х годов. Искони у "авангардистов" существовали свои досье. И у последователей Вышинского эти досье были с материалами. Базировались они на самооговоре и поклепе на других. Метод получения таких "показаний" — физический, психологический террор и шантаж. И снова сейчас начинают бояться повторения ночного стука в дверь с далеко не легкой руки "правоборцев", имеющих для шельмования практически беспрепят-

венный доступ к средствам массовой информации с выходом на миллионы людей. Любой навязываемый культ всегда чреват расплатой. Все это заслуживает осмысления с учетом исторического опыта. Борьба за популярность — испытанный механизм. Литературные “упражнения” Гдляна в одном из журналов, издающихся в Мюнхене (“Страна и мир”), — блестящий тому пример. Невозможно дальше закрывать глаза на то, что фигура фальшивого “застрельщика” в своем раже не способна или не хочет глядеть в корень, а значит, и предвидеть результаты своих разрушительных действий”.

Что же ответил Горбачев на эти обвинения, спросим мы. — Ничего.

Приведем некоторые места из дискуссии на пленуме. Первый секретарь ЦК Казахстана Назарбаев сказал: “Анализируя причины известных декабрьских событий 1986 года в Алма-Ате (мятеж), мы до сих пор стыдливо умалчиваем об одном очень важном аспекте, который, на наш взгляд, во многом спровоцировал экстремистские выступления. Я имею в виду состоявшийся накануне пленум ЦК республики, проведенный в худших традициях застойного периода, посвященный важнейшему для республики вопросу — выборам первого секретаря ЦК, он продолжался ровно 18 минут. Возмутило полное пренебрежение к мнению даже партийного актива. Фигурирует такое понятие, как “казахский национализм”. Но может ли в принципе какой-либо народ в целом стать носителем этой антигуманной черты? Глубоко уверен, что нет. Прошу ЦК пересмотреть эти ошибочные постановления”.

Министр внутренних дел Бакатин сообщил: “За 8 месяцев 1989 года преступность возросла на 33,2 процента, совершено 1 млн. 518 тыс. преступлений, в том числе тяжких — 233 тысячи. Это беспрецедентный рост. В текущем и прошлом годах в ходе межнациональных беспорядков в стране убиты 292 человека, 5 тысяч 250 человек получили

телесные повреждения, сожжены и разграблены тысячи жилых домов. Вынуждены были покинуть свои очаги 360 тысяч армян, азербайджанцев, турок-месхетинцев”.

Первый секретарь ЦК Азербайджана Везиров сказал, что из Армении изгнано все азербайджанское население.

Председатель Гостелерадио Ненашев сказал, что сложилась определенная монополизация общественного мнения. Она выражается в том, что сравнительно небольшая группа публицистов, журналистов, ученых активно выступает по всем проблемам. Они заняли многие страницы печати, они информируют, формируют общественное мнение, они во многих случаях ставят и сами отвечают на все те вопросы, которые нас беспокоят. (Назовем этих прорабов перестройки — это прежде всего Абалкин, Попов, Шмелев, Стреляный, Черниченко, Нуйкин.)

Наконец, пленум принял национальную платформу. Приведем самые интересные места. Целесообразно рассмотреть вопрос о создании в РСФСР дополнительных органов республиканского управления, включая административные, экономические, идеологические, культурные, научные и др. Законодательное закрепление русского языка в качестве общегосударственного, используемого на территории всей страны и функционирующего на равноправной основе с государственными языками республик. Принять все меры к решению проблем крымских татар, советских немцев, греков, курдов, корейцев, турок-месхетинцев и других (высланные народы). Предусмотреть возможность образования общесоюзных государственно-общественных органов для представительства граждан, относящихся к народам, которые не имеют собственной территориальной автономии.

Вполне разумные как будто предложения, но на фоне повальных репрессий за коррупцию в национальных республиках выглядят как-то шизофренически.

В. ПИРОЖКОВА

ПОТЕРЯННОЕ ПОКОЛЕНИЕ

Школа. 8-й класс

(Продолжение, см. №№ 49, 50, 51, 52)

Переход из семилетки в восьмой класс ознаменовался различными переменами. Многие из соучеников и соучениц уходили, шли в техникумы, фельдшерско-акушерскую школу или на курсы машинисток, а то просто работать. Писали друг другу на память в альбомы — альбомы не вывелись и в советской школе. Мой альбом не сохранился, да где ж при стольких бегствах? Я жалела

только об уходе одной из соучениц, моей тезки Веры. Она хотела учиться и дальше, но семейные обстоятельства не позволяли. Близко мы не дружили, нас связывала только любовь к поэзии Лермонтова. Она жила еще немного дальше, чем я, и мы иногда провожали друг друга, возвращаясь из школы, т. е. я шла немного дальше дома, где мы жили, потом она возвращалась со

мной. Мне помнится зимний день с метелью. Ветер засыпал снег в рот, и говорить было трудно, но мы все же провожали друг друга несколько раз и в противоборство ветру декламировали друг другу поочередно Лермонтова.

Потом мне приходилось встречать Веру. Она стала, увы, типичной советской служащей. Советская бюрократия отшлифовывала определенный тип преданных ей людей. Они не должны были быть партийными, и все же они как-то внутренне огрублялись, и советская власть их больше не коробила. Вера могла бы стать интеллигентным человеком, если б пошла учиться дальше, но советской бюрократии она противостоять не смогла.

В наш класс пришли новые ученики и ученицы, часть из другой железнодорожной школы, которая осталась семилеткой, часть даже из школ, расположенных территориально далеко. В числе последних была Инна, дочь крестившего меня священника. Моим родителям хотелось, чтобы я с ней подружилась, но они никогда не пробовали оказывать на меня давление в смысле выбора моих подруг, да это было бы и безнадежно. Дружба с Инной, к сожалению, не состоялась. Дело было, конечно, не в ее происхождении, для меня-то это не играло роли, да и вообще в классе никто плохо к Инне не относился. Просто у нас были, видимо, разные натуры. Дружба возникла с другой новой девочкой, перешедшей к нам из второй железнодорожной школы. Валя была белорусска, но уже несколько лет жила в Пскове, куда перевели ее отца, железнодорожного мастера. Русским языком она владела в совершенстве, была вообще способна к языкам и литературе, декламировала мне стихи Есенина, которого я до того времени мало знала, и даже говорила о Марине Цветаевой как о гениальной поэтессе. Где она о ней узнала, я не знаю, мы, остальные, о Марине Цветаевой тогда ничего не знали.

В восьмом классе мы как-то сразу почувствовали себя уже полувзрослыми. Преподаватели начали говорить нам "вы". Даже наш классный руководитель Василий Алексеевич Гринин, ведший нас с пятого класса, посмотрел на нас, покачал головой и сказал: "Теперь вы уже большие, надо вам говорить "вы".

Мы вошли тогда в переходный возраст. Здесь, на Западе, считается, что это время, когда мальчики начинают интересоваться девочками, а девочки мальчиками; кроме того, те и другие начинают грубить взрослым и, прежде всего, своим родителям. Но мы тогда были пока далеки от всего этого. Для нас это было время становления личности. Мы обсуждали и дискутировали, что хорошо, а что дурно, стараясь ощупью найти устой

этики, которой нас в школе никто не учил. Долго у меня случайно хранилась записочка Кати из того времени, на которой стояло: "Вера, я слишком скоро прощаю обиды, хорошо это или плохо? С одной стороны, это говорит о доброте характера, с другой стороны — о недостатке самолюбия". Самолюбие стояло у нас высоко в курсе, но мы понимали его не как гордыню, а как признак самоуважения. Негативных сторон самолюбия мы тогда почти не видели. Много разговаривали и о силе воли, какую она играет роль, что в жизни сильнее, обстоятельства или собственная воля, собственный характер. Во всех этих рассуждениях было немало детского, но прорывалась уже и некоторая зрелость.

Меня лично долго мучила проблема благодарности. Как часто бывает в жизни, малая причина потянула за собой вереницу внутренних колебаний. В 7-м классе у нас стояли, собственно говоря, неподходящие для младших учеников столы на три человека, а не нормальные парты. К концу этого класса у нас был уже крепкий триумvirат: Зина, Катя и я. Мы решили сесть за один стол. Но когда я, как обычно, — одна из последних, вошла в новый класс, то увидела, что стоят нормальные парты на двоих. Зина и Катя уже сидели за партой и показывали мне на парту сзади себя, где они заняли мне место. Сначала я была весьма разочарована, но делать было нечего. Вскоре ко мне подошла одна из одноклассниц, Лида, и спросила, может ли она сесть рядом со мной. Я согласилась. Но разговоры или бесконечные записочки на скучных уроках летали между нами тремя. Лида была более или менее исключена, да она нашими проблемами и не интересовалась. Вскоре я заболела дифтеритом. Это была моя последняя детская болезнь. Говорят, что чем старше ребенок — мне было уже 14 лет, — тем тяжелее проходит детская болезнь, но мой дифтерит был очень легкий, жара почти не было, горло болело слегка. Однако я должна была лечь в больницу, т. е. таково было предписание для заразных болезней. Больница же была на другом конце города, вполне приличная, только мне было очень скучно. Книг передавать было нельзя, или они должны были там и остаться, их трудно было дезинфицировать. Отдушиной была лежавшая в той же палате молодая женщина. Она не была больна, но находилась при больной полуторагодовой дочери, славной девчужке. В Германии в 70-х и 80-х годах много дискутировали о том, что к больным малым детям следовало бы допускать матерей, это способствует выздоровлению. По старой русской традиции в мое время в СССР это было чем-то само собой разумеющимся. Конечно, мать тоже

была заперта в больнице. Посещать нас нельзя было, можно было лишь стоять снаружи, за стеклянной дверью, на ветру и холоде, и делать друг другу знаки. Впрочем, оказалось, что под дверью есть щелка — дверь была двойная, — я, как больная, не подходила к самой наружной двери, от которой тянуло холодом, но молодая мать была достаточно неразумна, чтобы служить моим подругам и мне почтальоном: она передавала через щель мои записки им и приносила их записки мне. Потом навестившая меня всего один раз Мила заболела дифтеритом, но тоже в легкой форме, и тетки-учительницы, у которых она жила, винили меня за записки. Кроме того, молодая женщина и я много разговаривали, играли в карты, колода которых так и осталась в больнице. В общем, все было довольно уютно. Если мы заговаривались допоздна, сестры нас на другое утро не будили. Кроме нас, в маленькой палате никого не было. Но вот Лида решила, что ее обязанность — навещать меня каждый день, что было ей трудно, а мне совершенно не нужно. Я пробыла в больнице две недели и две недели должна была еще быть дома. Опять-таки Лида ко мне часто приходила. Совершив этот ненужный подвиг, Лида предъявила на меня свои права. Я должна была стать ее исключительной подругой. Меня это чрезвычайно тяготило, но я боялась оказаться неблагодарной. Тогда я много размышляла о проблеме благодарности и поняла, что никто не имеет права закабалить другого человека, независимо от того, какую бы услугу он ему ни оказал. Другое дело, что тот, кому оказана услуга, должен, в свою очередь, помочь другому человеку, попавшему в беду, но он не обязан насиловать себя и свои интересы. Это может показаться само собой разумеющимся, но тогда мне стоило это познание много размышлений и внутренней борьбы. Заметив, наконец, что у нас почти нет общих интересов, Лида нашла себе другую подругу и пересела на другую парту. Ко мне же вскоре пересела Валя. Так все пришло в порядок, и наша четверка осталась дружной до конца школы.

В восьмой класс пришли не только новые ученики, но и новые учителя. Так впервые мы получили настоящего учителя истории: Павел Семенович Вознесенский был уже немолодым человеком, дореволюционного образования, и, конечно, он не был коммунистом. Он преподавал историю и географию, преподавал очень хорошо и был вообще сильной личностью, умевшей влиять на класс. На его уроках было тихо и наши записочки не летали с парты на парту. Это был первый преподаватель, перед которым мы почти что благоговели. То, что Павел Семеныч не был

в душе коммунистом, мы скоро отгадали. Забегая вперед, скажу, что в 10-м классе, где мы должны были изучать историю партии, он нам не преподавал. Говорили, что он сам отказался, сказав, что не знает истории партии как следует. Было ли это в то страшное время возможно, не знаю, во всяком случае в 8-м и 9-м классах он был нашим учителем. Однако этот первый знающий учитель истории, явно не большевик по своему внутреннему складу, имел на нас не только положительное влияние. В 8-м классе мы жевали и пережевывали французскую революцию 1789 г. Был ли Павел Семеныч старым либералом, который в этой революции все еще искал идеалов "свободы, равенства и братства", забывая зловещую привеску "или смерть", или же он просто как хороший педагог не мог иначе, как красочно изображать то, что он преподавал, но так или иначе он сумел на короткое время увлечь нас этой революцией, и это кратковременное увлечение легло романтическим покровом и на нашу страшную революцию. Марксизм никогда и ни при какой погоде не мог меня ни заинтересовать, ни, тем более, увлечь, но романтика свободы, равенства и братства на короткое время заволочла взор и прикрыла своей переливчатой пеленой не только неприглядное фактическое лицо той революции, но отчасти и нашей.

Самым нелюбимым нашим преподавателем был математик, русский немец Альфред Альфредович Кригер, высокий, тонкий, весь какой-то рыжий с красноватым цветом лица, рыжими волосами и большими рыжими усами с закрученными вверх концами, а ла Вильгельм II. За рыжие волосы и усы он получил у нас прозвище Таракан. Это было единственное прозвище, данное нами кому-либо из учителей за все мое школьное время. Не любили мы его по вполне объективным причинам: он был весьма слабый педагог. Объяснять совсем не умел. Он что-то писал или чертил на доске, что-то бормотал себе под нос, но никто из учеников ничего не понимал. Он преподавал у нас уже в 7-м классе, и уже тогда меня от школы попросили в виде общественной работы заниматься с отстающими по математике учениками. На мои уроки оставался почти весь класс, не оставались только мои подруги, они по книге сами и без объяснений могли разобраться. Зина же вообще была способным математиком. Потом мне говорили мои соученики и соученицы: "Отчего, когда ты доказываешь теорему, мы все понимаем, а когда Таракан, ничего не понимаем?". Что я могла ответить? У одних есть педагогический талант, у других его нет.

В 1935 году в Пскове был основан Педвуз. Сначала открыли только два факуль-

тета: физико-математический и естественный, где учились биологи и химики. Созданы были, однако, сразу все курсы. Откуда набрались студенты на старшие курсы, я не знаю. Моего отца пригласили читать в Педвузе лекции, хотя у него не было ученой степени. Он специализировался на высшей алгебре и получил звание доцента. Диссертацию он защитил позже, о чем еще будет речь. Студенты четвертого курса Педвуза должны были проходить практику в школе. Появились они и у нас, в 8-м классе. Студент, преподававший математику, был среднего достоинства как преподаватель. Он начал было говорить нам "ты", но мы, четыре подруги, подошли к нему и вежливо, но твердо заявили, что мы просим обращаться к нам на "вы". Он удивился, но внял нашему требованию. Это он назвал нас четырех "актив восьмого класса", так это за нами и осталось до конца школы, хотя классы, конечно, менялись. Преподавать химию пришла к нам чрезвычайно талантливая студентка, что оказалось роковым для нашей доброй, но вялой преподавательницы химии и биологии Елены Александровны: только теперь мы поняли, как можно преподавать химию и как слаба наша учительница. До того мы жаловались только на Кригера.

И нами овладело желание усовершенствовать, улучшить школу. Мы требовали от нашего классного руководителя и директора школы, чтобы нам дали новых преподавателей по математике и химии. При этом мы ссылались на интересы всего класса, особенно же слабых учеников. "Нам все равно, — высокомерно заявляли мы, — мы и по книге сами разберемся, но более слабым ученикам трудно. Эти учителя совсем не умеют преподавать". Забегая вперед, скажу, что в 9-м классе мы получили нового преподавателя математики. А Елена Александровна осталась, только потом, по просьбе нашего директора, нам не присылали практикантов по химии. Мы тогда и не подозревали, как мы были жестоки к нашей учительнице. Лишь много после я узнала, что ей непременно нужны были еще года до пенсии. Если б она ушла тогда, когда мы требовали смены преподавателей, ей было бы очень трудно. Надеюсь, что Альфред Альфредович был в лучшем положении; впрочем, в младших классах он остался.

Сами же мы собирались на собственные викторины, выискивали интересные вопросы по математике и физике и задавали их друг другу, каждая из нас приносила по несколько вопросов, на которые другие не знали ответа. Валя ввела в наши викторины и вопросы по литературе. Попробовали мы устраивать и совместное чтение, перечитали "Героя нашего времени", которого все знали, а потом

"Князя Серебряного" А. К. Толстого, которого тогда знала только я. Но потом эта идея была оставлена. Все мы читали много сами, и чтение вслух казалось скучным.

Т. к. от нас требовалась общественная работа, то Валя и я вызвались помогать в библиотеке. Добрая библиотечарша скоро дала нам ключ от шкафа, где лежали запрещенные книги. Выражение это не совсем точно: действительно запрещенных книг там, увы, не было. Там лежали книги, вообще говоря, разрешенных авторов, но напечатанные по старой орфографии. Выдавать эти книги не было разрешено, чтобы эта орфография не сбивала учеников с толку. Много интересного мы в этом шкафу не нашли, для меня была знаменательна только одна книга: "Преступление и наказание" Достоевского. Мои родители почему-то думали, что в 14 лет рано читать Достоевского, но его и не было у нас дома. Мой отец до революции приобрел академические издания полного собрания сочинений Тургенева и Л. Н. Толстого и ждал такого же издания Достоевского, но сначала война его задержала, а потом революция вообще отменила. После революции Достоевского не издавали. Может быть, поэтому мы его в школе не изучали, хотя в учебник литературы для 9-го класса было включено "Преступление и наказание", но мы его все же не проходили.

Я читала "Преступление и наказание" тайком от родителей, и оно произвело на меня огромное впечатление. До убийства Раскольниковым старушки я не могла прочесть подряд больше 4—5 страниц, мне все казалось, что я сама готовлюсь кого-то убить. Возможно, мои родители и были правы, что рано было его еще читать. Но после убийства я уже не могла оторваться. Это было так, как будто сначала надо было с величайшим трудом лезть на высокую гору, а потом все катилось быстро с горы. После этой книги я начала искать Достоевского, но мне удалось получить лишь роман "Подросток", более глубокого смысла которого я тогда не поняла и который меня разочаровал. У меня наступил период разрыва с Достоевским; только уже находясь в университете, я брала в университетской библиотеке Достоевского. В университетской библиотеке студентам выдавали книги, напечатанные по старой орфографии.

К этому же времени относится мое первое увлечение театром. В Пскове не было постоянного театра, приезжали театральные труппы из Ленинграда, однако не из лучших. Но как раз в этот год приехал театр из Петрозаводска. Я сначала не хотела идти: ну что может приехать из Петрозаводска? Потом раз пошла и была поражена: таких хороших артистов я еще не видела. Я стала бегать на

каждую пьесу. Я весьма благодарна моим родителям, что они мне не препятствовали, даже если я шла в театр не с подругами, а одна, только отец встречал меня после спектакля, чтобы проводить поздним вечером домой. Конечно, побывали и мои родители в театре, но такими театрами они уже не были. Ставил петрозаводский театр классику, русскую и французскую, а из более новых пьесы тоже без пропаганды. Я удивлялась их блестящей игре и начала осторожно наводить справки, и мне удалось узнать, что труппа эта состояла преимущественно из ленинградских и московских артистов, которые находились под ударом и предпочли скрыться в провинции, а не находиться под самым носом центрального НКВД. Тогда мне стало ясно, почему они так хорошо играют.

Средний возраст моих соучеников и соучениц был в 8-м классе 15 лет, некоторым было уже 16, только мне было еще всего 14. Но в 15 лет можно было уже вступать в комсомол, и, конечно, в нашем классе была устроена акция для вступления в комсомол. Большинство, но не все, в комсомол пошли. Я по возрасту оставалась пока в стороне. Пошли в комсомол все три мои подруги. Почему они пошли? Были они убежденными коммунистками? Верили они в советскую власть? Мы никогда между собой прямо об этом не говорили. Несмотря на очень близкую дружбу, я лично по-прежнему находилась под императивом ответственности за своих родителей. Я не решалась говорить даже с моими лучшими подругами откровенно о политике. Но если бы они были убежденными коммунистками или верившими в марксизм, насколько они его могли понимать в этом возрасте, то отчего бы им было не заговорить со мной на эти темы? Да и могла ли бы я дружить с заядлыми истинными комсомолками? Ни в коем случае! Помню, что как-то Зина, самая старшая из нас, сказала, что если в каждой системе нарастают внутренние противоречия, которые потом разрешаются скачком, т. е. революцией, то не пора ли у нас уже делать революцию? Однако дальше на эту тему разговоров не было.

Отчего же они все же пошли в комсомол? Чтобы делать карьеру? Нет, мы были тогда идеалистками, о практической жизни как-то не было и мыслей, а тем более о карьере. Думаю, что роль сыграло иное. Мне часто приходилось думать о тяжелом положении активных по натуре людей, особенно молодежи, в тоталитарном режиме. В свободном мире активные молодые люди могут пойти в организацию скаутов, в церковные молодежные организации, в те или иные, в зависимости от их вероисповедания, а в более старшем возрасте в молодежные орга-

низации той или иной партии, если у них есть политические интересы. В СССР все это невозможно. И я была активной по натуре, и мне было интересно заниматься, например, математикой с младшими классами — потом я преподавала в младших, т. е. помогала отстающим, но снова оставался почти весь класс. Это я могла делать и не будучи комсомолкой — но это было и все. Я бы охотно поехала в детский летний лагерь, но лагеря были только пионерские, а старшие ученики и ученицы, помогавшие взрослым руководителям лагеря, были только комсомольцы. Как я уже писала, в то время нас охватила активность внутри школы. И для меня это вышло на первый план. Абстрактные мечты о свержении советской власти и преобразовании всей страны уступили временно место “малым делам”, активности внутри школы, желанию улучшить то, что можно было улучшить на месте. Эта активность, думаю, и повела моих подруг в комсомол. Но мы об этом между собой не говорили. Я не настаивала на объяснении с их стороны, вернее, совсем не спрашивала, они тоже не объясняли. О политике и об идеологии мы пока между собой не говорили. Но вот политические анекдоты все же рассказывали, причем очень злые. Я знала тогда множество политических анекдотов, они ко мне как-то сами летели. Кто именно рассказывал мне тот или иной анекдот, я уже не помню, осталось лишь в памяти, что Зина, комсомолка, рассказала мне следующий анекдот: Сталин стал как-то раздумывать, не следует ли все же чем-нибудь порадовать народ, но так, чтобы государству не было накладно. Вдруг к нему явился какой-то незнакомый человек и сказал: “Дай мне слово, что не казнишь меня, тогда я научу тебя, что сделать, чтобы доставить народу радость, а государству было бы не накладно”. Сталин дал обещание. Тогда этот человек вытащил из кармана толстую веревку, дал ее Сталину и сказал: “Вот, повесься на этой веревке, народу будет огромная радость, а государству совсем не накладно, как раз наоборот”. Нравился мне анекдот, который рассказывался после смерти Максима Горького, когда русские города и веси стали называть его именем. Какой-то профессор литературы предложил в честь Максима Горького назвать всю нашу эпоху максимально горькой. И в тот год я записала себе в тетрадь, именно записала, не только запомнила, прекрасное переложение пролога к “Руслану и Людмиле”:

У Лукоморья дуб срубили,
Златую цепь в Торгсин снесли,
Кота в котлеты изрубили,
Русалку паспорта лишили,
А лешего сослали в Соловки.
Из курьих ножек суп сварили,

В избушку три семьи вселили.

Там нет зверей, там люди в клетке,

Над клеткою звезда горит,

О достижениях пятилетки

Им Сталин сказки говорит.

В этот же период моей жизни начались первые размышления о смысле жизни. Кругом было все тяжело и даже страшно, хотя конец 1935 и начало 1936 г. дали некоторую передышку. Или я, занятая иными вопросами, не так замечала, что творится кругом. Показательные процессы над старыми большевиками никого в нашей семье внутренне не затронули: за что боролись, на то и напоролись. Гибель крестьян, аресты ни в чем не повинных обыкновенных людей были ужасны, а старым большевикам туда и дорога. Но все же вокруг было грустно и страшно. Как же жить? Где внутренний выход? Как хотелось мне поговорить об этом с моими родителями! Но это было невозможно, а отчего, мне даже и теперь трудно сказать. Моя мать, правда, считала все эти запросы о смысле жизни блажью, а мой отец, казалось, мог бы их понять, но как-то не отзывался. Это не может быть объяснено страхом говорить откровенно. Мы в семье всегда говорили между собою вполне откровенно, причем на гораздо более опасные политические темы. Так, мой отец нередко высказывал сожаление, что в момент революции был Николай II, а не Николай I. "Он бы не отрекся от престола, — говорил мой отец, — а стал бы сам во главе войск и разогнал бы их всех". И у меня в душе жило тогда что-то вроде обиды на последнего государя. Он так быстро и легко отрекся от престола и оставил всех нас, тогда еще не родившихся, на произвол этих страшных людей. Не в моей натуре было вообще сдаваться без борьбы. Он должен был бороться, думала я, если б он погиб в борьбе, то такова судьба, но надо было хоть попробовать. Может быть, в его пассивном принятии мученичества был более глубокий смысл. Тогда я, во всяком случае, понять его не могла.

В то время я также ясно ощутила, что надо мной, как и над всеми нами, тяготеет огромная, искусная, страшная пропагандная машина, которая хочет всех нас внутренне деформировать. Мои родители, которым было уже 38 лет, когда произошла октябрьская революция, не могли, видимо, понять, что эта пропагандная машина означает для подрастающего человека, еще полурепбенка. Они были вполне устоявшимися людьми и боялись только внешней силы, могущей погубить их физически, а не такой, какая могла бы их внутренне деформировать. Я же начала понимать эту силу именно как таковую. Она

давила на мою душу.

Между прочим, то, что мой отец не испытывал ни малейшего опасения внутренне сломиться, зависело от его сильного характера и целостной натуры. Я уже в то время видела немало внутренне сломившихся интеллигентов, пораженных, замороженных этой огромной силой и склонившихся перед ней не только внешне, но и внутренне. Значительно позже, уже в эмиграции, я прочла у поляка Милоша о том, как сдалась часть польской интеллигенции, сдалась именно внутренне. Ход мысли был таков: если эта сила победила, то значит, таков ход исторического процесса, а спорить с историческим процессом нельзя. Я с ироническим чувством читала стихи Брюсова, спрашивавшего русскую интеллигенцию, чего же она растерялась, не этого ли она хотела, не за это ли боролась десятки лет? И в самом деле, многие русские интеллигенты не ожидали, что их деятельность, которую они сами воспринимали как сеяние "разумного, доброго, вечного", даст такие результаты. Их идеалы, которым они посвятили всю свою жизнь, обернулись перед ними страшной рожей, и у них не было ничего, что они могли бы противопоставить этому не только внешнему, но и внутреннему крушению. Все это прекрасно описано С. Франком в его "Ереси утопизма", "Крушении идеалов" и других вещах, как его, так и других авторов. Но это мне тогда доступно не было. Однако я чувствовала внутреннюю червоточину в значительной части русской интеллигенции, какую-то внутреннюю порчу, которая заставляла эту ее часть капитулировать именно внутренне. Я спрашивала себя, не правы ли в этом смысле коммунисты, говорящие о мягкотелости интеллигенции? Я не знаю, почему именно один из обычных пропагандных советских фильмов о гражданской войне, "Подруги", вызвал во мне сознание, что эта интеллигентская мягкотелость есть и во мне. Я с ужасом подумала, что я не застрахована от внутренней сдачи под давлением пропагандной машины. Я и сейчас хорошо помню, как я сидела за своим небольшим письменным столом, вернее, обычным столиком, превращенным в письменный стол для меня, и давала себе слово, что эта пропагандная машина меня не должна сломить. Если бы даже я пришла к выводу, что коммунистические идеи правильны, я должна сделать это сама, свободно, внутренне свободно, а не под давлением пропаганды. С этого момента я начала сознательно воспитывать в себе твердость и внутреннюю самостоятельность. Через три года, к 17 годам, я пришла к выводу, что я свое внутреннее воспитание успешно завершила.

Продолжение следует

РЕЗОЛЮЦИИ В ЗАЩИТУ ЦЕРКВИ НА СЪЕЗДЕ НАРОДНОГО ФРОНТА РСФСР

21–22 октября 1989 г. в Ярославле прошел учредительный съезд народных фронтов, общественных организаций, политклубов и движений, провозгласивших создание Народного фронта РСФСР. В работе съезда приняла участие делегация Христианского Патриотического Союза, объединения, возникшего в декабре 1988 г. и поставившего своей главной задачей — способствовать возрождению Православия в России и национального самосознания народа. Москву представляли председатель ХПС В. Н. Осипов и Ю. И. Гудков, Новосибирское отделение — В. А. Харьков. Позицию нашего Союза разделяли: Общественная приемная по оказанию помощи верующим (А. А. Широпаев), Группа христиан-патриотов, выступающих за канонизацию царской семьи, новомучеников российских (В. К. Демин), Общественный совет православных христиан по восстановлению Рогожской слободы (А. А. Зеленев). По многим вопросам с нами солидаризировались московское общество русской культуры "Отечество" (Ю. Н. Токарев) и Российский национально-патриотический фронт (Е. Е. Дергунов).

ХПС представил съезду пакет предложений в защиту Русской Православной Церкви. К сожалению, среди делегатов было немало таких, кто встретил эти предложения в штыки. Началась полемика вокруг поправок и уточнений. Кто-то из "антиклерикалов" сослался даже на Конституцию СССР, которой якобы наши предложения противоречат. Тогда мы резонно указали на то, что съезд Народного фронта только что принял резолюцию против ст. 6 Конституции СССР о руководящей роли КПСС. В правовом государстве не может быть двух мерок: одна для верующих, другая для атеистов. В конце концов наши резолюции были приняты. Против голосовали буквально единицы. Съезд Народного фронта РСФСР высказался за:

- признание Русской Православной Церкви права юридического лица;
- за возвращение всех существующих в СССР православных церковных зданий и сооружений религиозным общинам Русской Православной Церкви;
- за отделение атеизма от государства, за прекращение субсидирования всех видов атеистической пропаганды и атеистического обучения за счет государственных средств;
- за допущение христианской проповеди во всех формах;
- за допущение воскресных православных школ при храмах для взрослых и детей по желанию родителей; за преподавание Закона Божьего в учебных заведениях за счет средств верующих;
- за снятие с Русской Православной Церкви грабительских финансовых поборов, за временную отмену всех налогов с Церкви и священнослужителей на период восстановления и реставрации необходимых для богослужения храмов, разрушенных в годы войны с религией;
- за объявление праздничными, нерабочими днями Пасхи и Рождества Христова;
- за институт армейского священства;
- за замену разрозненной регистрации религиозных общин на уведомительную.

В целом постановка проблем, связанных с положением Русской Православной Церкви, на съезде Народного Фронта, объединившего фронты и движения от Ленинграда до Хабаровска, на наш взгляд, имеет важное значение. Среди делегатов оказалось немало христиан и патриотов, Христианский Патриотический Союз приобрел новых друзей и сторонников.

Октябрь 1989 г.

Ярославль—Москва

Адрес для ответа: 125315, Москва, ул. Усиевича, 25, корпус 2, кв. 234, Осипов Владимир Николаевич.

КОМИТЕТ СПАСЕНИЯ ВОЛГИ

Дорогие соплеменники!

Болью и надеждой продиктовано наше обращение к Вам. Болью — ибо земля Российская, которую пестовали, лелеяли и защищали наши с Вами предки, — гибнет. Все беды, какие только возможны в этом мире, усилиями злонамеренной, безответственной и равнодушной власти, обрушились на нашу страну. Надеждой — ибо живы еще мы с Вами, для кого боль России — личная боль, мы с Вами, которые понимаем, что

невыздоровление России, низвержение ее в рутину социально-экономического, экологического хаоса — распада, чревато непредсказуемыми страшными последствиями и для всего мира. Да не будет так. Волею Промысла Божьего вы живете вне территории России, но волею того же Промысла, действующего в мире через наше сознание и наши деяния, вы ощущаете себя русскими, и наш призыв к Вам: сделать все посильно-возможное для предотвращения падения России в бездну,

для последующего ее возрождения. Российское зарубежье несет в себе ценнейший культурно-интеллектуальный потенциал. Осмеменение им нашей национальной почвы Метрополии дает, вне всякого сомнения, те прекрасные плоды возрождения, которые все так ждем. Пока же почва сия находится в состоянии полной эрозии, и многодесятилетними стараниями властей предрержащих засеяна плевелами. Опыт Российского зарубежья во многом будет поучительным для деятелей Метрополии, занятых Российским Возрождением. Мало того, без участия Русского зарубежья, общественности Запада дело, например, спасения Волги, экологического излечения, выздоровления экономики просто обречено на провал. Здесь уместна и с

благодарностью будет принята любая форма сотрудничества: рецепты-рекомендации, а также практическое участие специалистов по всем областям знаний, особенно по современной технологии и экологии, предоставление возможности пользоваться историко-архивными документами, создание совместных предприятий на базе ОКСВ, обмена информацией и личные контакты, сборы материальных средств, печатание и распространение соответствующей взаимопользуемой литературы и многое другое. Дело спасения Волги — это не просто попытка оздоровления экологической ситуации, а последняя схватка с теми силами, что засеяли нашу землю плевелами. И вся помощь Ваша — в нашу борьбу с этими силами.

От редакции. В качестве информации мы печатаем программу и устав Ленинградского Народного фронта. У нас сейчас нет возможности их полностью анализировать. Мы хотим указать только на пункт 10 Устава, где говорится, что и члены компартии могут входить в этот Народный фронт и влиять на него. Этим, думаем, предопределена его инфильтрация коммунистами. Коммунисты вообще теперь стремятся перейти от позиций открытого господства на позиции более или менее скрытого контроля. Хотя в самом СССР они не решаются пойти на то, на что решились в странах-сателлитах: вычеркнуть из конституции руководящую роль компартии. В стране компартия по-прежнему выступает как господин страны и народа. Но в неформальных организациях компартия охотно будет играть более скромную роль контроля. Мы опасаемся, что народные фронты, инфильтрированные компартией, не смогут совершить в стране ничего положительного.

В. Пирожкова

**Ленинград
СЕВЕРО-ЗАПАД
СБОРНИК РАБОЧИХ ДОКУМЕНТОВ К УЧРЕДИТЕЛЬНОМУ СЪЕЗДУ**

№ 12/1989

ПРОГРАММА НАРОДНОГО ФРОНТА ЛЕНИНГРАДА

Проект подготовлен Петроградским
Народным Фронтом

04.06.89

1. ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Политический и экономический кризис, к которому сегодня пришло наше общество, со всей очевидностью показал необходимость радикальных реформ в экономической, политической и социальной сферах, но в условиях узурпации права политической инициативы узким кругом партийных функционеров, явно противоречащей декларируемым принципам народовластия, проявилась во всей полноте неспособность существующих политических и административных структур государства к радикальным реформам. Настала необходимость передать ВСЮ полноту власти в СССР народу.

Для успешного решения этой задачи на начальном этапе необходимо объединение всех демократических сил в Народный Фронт (НФ), являющийся по сути коалицией всех общественных организаций и групп, последовательно придерживающихся в своей деятель-

ности общедемократических принципов и стремящихся ускорить и углубить перестройку нашего общества на пути к созданию истинно демократического парламентского государства.

2. БОРЬБА ЗА СОЗДАНИЕ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА

Первоочередной своей задачей НФ видит борьбу за создание демократического правового государства, что должно начать с разработки и принятия на основе всенародного постоянного референдума новой Конституции, которая бы соответствовала демократическим принципам, выработанным на сегодняшний день Человечеством.

2.1. Отказ от принципов, изложенных в 6 ст. действующей Конституции и разработка законодательных гарантий существования многопартийной системы.

2.2. Безусловное принятие основных де-

мократических свобод (слова, печати, собраний, совести).

2.3. Обеспечение права республик и автономных национальных образований на самоопределение на основе референдума.

2.4. Разработка законодательных гарантий прав политических меньшинств,

2.5. Парламентский контроль над органами государственной безопасности и внутренних дел.

2.6. Разделение законодательной, исполнительной и судебной власти.

2.7. Восстановление суда присяжных и расширение прав граждан на помощь адвоката в случае судебного преследования.

2.8. Предоставление местным органам народовластия реальных политических и экономических прав.

2.9. Отказ от всеобщей воинской повинности путем создания профессиональной армии, состоящей из республиканских воинских формирований.

3. ОЗДОРОВЛЕНИЕ ЭКОНОМИКИ

Оздоровление экономики и выход из финансово-экономического кризиса невозможны без соблюдения ряда основополагающих принципов:

3.1. Неукоснительное следование объективным экономическим законам.

3.2. Деидеологизация хозяйственной деятельности (выведение промышленности и сельского хозяйства из подчинения партийным органам).

3.3. Многоукладность экономики с обязательным огосударствлением лишь банковского капитала.

3.4. Децентрализация экономики (разумное ограничение централизованного планирования, снабжения, распределения).

3.5. Сокращение до необходимого и достаточного минимума министерств и ведомств.

3.6. Отказ от диктаторской роли министерств (оставление за ними лишь функций разработки технической стратегии, маркетинга, инвестирования новаций и координации).

4. СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРАВА

Результаты выборов Народных Депутатов СССР весной 1989 года наглядно показали, что для формирования демократичного, достойного высшего законодательного органа нашего государства, способного успешно решить политические и экономические проблемы, необходимо изменение законодательства, регулирующего избирательное право:

4.1. Отмена выборов депутатов от общест-

венных организаций.

4.2. Введение регистрационного принципа выдвижения кандидатов (отмена собраний по выдвижению и окружных собраний).

4.3. Обязательное участие в избирательных комиссиях представителей кандидатов и широкой общественности.

4.4. Прямые выборы главы государства.

5. ДУХОВНОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ. НАУКА И КУЛЬТУРА

Десятилетиями убивавшаяся, унижавшаяся культура страны пришла к почти полному оскудению, следствием чего является духовная и интеллектуальная нищета, отсталость от мировых достижений, отсутствие гражданского самосознания народа. Все это вопиет о необходимости принятия ряда безотлагательных мер:

5.1. Абсолютная деидеологизация научной и культурной деятельности.

5.2. Отказ от всякой цензуры.

5.3. Немедленное открытие всех архивов и выведение их из ведомственного подчинения.

5.4. Ликвидация Госкомиздата и перевод издательств на хозрасчет.

5.5. Создание независимых средств массовой информации, включая радио- и телекомпании.

5.6. Свободное создание независимых ассоциаций деятелей науки и культуры по профессиональным, мировоззренческим и другим принципам.

6. ОБРАЗОВАНИЕ И ВОСПИТАНИЕ

Ни политические, ни социальные реформы не будут иметь реального смысла без серьезных изменений в области образования и воспитания подрастающего поколения:

6.1. Деидеологизация средней школы (вывод за ее пределы детских и юношеских политических организаций).

6.2. Наличие альтернативных учебников по гуманитарным дисциплинам.

6.3. Широкое привлечение к лекционной и факультативной работе в средней школе высокопрофессиональных научных работников (особенно по гуманитарным дисциплинам).

6.4. Расширение сети национальных школ независимо от республиканской принадлежности данной территории.

6.5. Преподавание общественных дисциплин в высшей школе только по факультативному принципу при наличии конкурентного сосуществования мировоззренческих систем.

УСТАВ НАРОДНОГО ФРОНТА ЛЕНИНГРАДА

Проект подготовлен Петроградским Народным Фронтом
04.06.89

1. ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

НФ Ленинграда является коалиционным движением, объединяющим все демократические организации и группы населения, которые ставят своей задачей перестройку нашего общества на пути создания парламентского демократического государства ненасильственным способом.

2. УСЛОВИЯ ЧЛЕНСТВА В НФЛ

Членом НФЛ может быть любой гражданин СССР, достигший 16 лет, согласный с программой и уставом НФЛ.

Вход в движение свободный и осуществляется путем вступления либо в одну из общественных организаций, участвующих в движении, либо в одну из рабочих производственных, территориальных или целевых групп.

Выход из движения осуществляется свободно в соответствии с убеждениями или личными обстоятельствами гражданина.

3. ПРАВА ЧЛЕНА НФЛ

Член НФЛ имеет право на любые инициативы в рамках задач НФЛ, имеет право принимать участие в обсуждении и решении всех текущих дел, имеет право избирать и быть избранным в любые выборные структуры НФЛ.

4. ОБЯЗАННОСТИ ЧЛЕНА НФЛ

Член НФЛ обязан руководствоваться в своей деятельности общедемократическими принципами и своей совестью.

5. ОРГАНИЗАЦИОННАЯ СТРУКТУРА НФЛ

5.1. Первичными структурами НФЛ являются общественные организации, производ-

ственные, территориальные и целевые группы.

5.2. Первичные структуры объединены в районные организации (РО), являющиеся основными организационными образованиями НФЛ.

5.3. РО координируются советом районной организации (СРО), состоящим из представителей, кооптированных первичными группами.

5.4. Конференция РО выбирает делегатов на съезды и конференции НФЛ, кооптирует представителей в координационный совет НФЛ, утверждает расходы средств РО, назначает направления деятельности РО.

5.5. Съезд НФЛ утверждает состав координационного совета (КС), принимает программные документы, обращения от имени НФЛ, определяет основные направления деятельности и тактику, заслушивает отчеты и предложения РО, делегирует представителей НФЛ на съезды Всесоюзного НФ и в международные общественные организации, формирует любые выборные рабочие органы НФЛ.

6. СРЕДСТВА НФЛ

6.1. Средства НФЛ формируются на основе добровольных пожертвований и доходов от издательской и другой хозяйственной деятельности.

6.2. Распределением средств занимается КС, подотчетный в этой части съезду.

6.3. Средства расходуются на технические нужды, на агитационную и просветительскую деятельность, а также на оказание материальной помощи членам НФЛ в случаях преследования их за убеждения.

7. УСЛОВИЯ ПРЕКРАЩЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НФЛ

Деятельность НФЛ прекращается решением съезда в случае полного выполнения задач, предусмотренных программой НФЛ.

У С Т А В

Ленинградского Народного Фронта

ПРОЕКТ ПОДГОТОВЛЕН АМАТУНИ В. Н., ИНСТИТУТ ТОКСИКОЛОГИИ

1. ОБЩИЕ ПРИНЦИПЫ

1. Настоящий Устав определяет основы организации и деятельности, правовое положение Ленинградского Народного Фронта (далее именуемое ЛНФ).

2. ЛНФ — общественная организация, со-

зданная и действующая в Ленинграде и Ленинградской области на принципах самоуправления и самофинансирования в соответствии со статьей 51 Конституции СССР, законами СССР и настоящим Уставом.

3. ЛНФ учреждается как орган сторонников демократических, социально-экономических

преобразований, культурного и экологического возрождения города и области.

4. ЛНФ действует демократическими конституционно признанными методами, с полным соблюдением принципов гласности. ЛНФ категорически отвергает всякую дискриминацию, проповедование ненависти и насилия.

5. ЛНФ осуществляет свою деятельность в социальной, экономической, культурной и научно-технической областях жизнедеятельности Ленинграда и области.

6. ЛНФ является добровольным объединением граждан, независимых в своих суждениях, подлежит регистрации в Ленинградском Исполнительном Комитете.

7. Основной целью организации является превращение Ленинграда и Ленинградской области в зону реального народовластия, опирающегося на сбалансированную экономику и обеспечивающего социальную справедливость, уважение человека и защиту его законных интересов.

8. Для достижения конечной цели ЛНФ необходимо решение ряда задач, среди которых следует выделить следующие:

- достижение экономического суверенитета, т.е. подлинного регионального хозрасчета Ленинграда и области;

- пробуждение гражданской активности широких слоев населения и повышение уровня политического самосознания;

- развитие самоуправления в трудовых коллективах, в учебных заведениях, в местах проживания;

- претворение принципов реального народовластия народа, добиваясь четкого разграничения законодательной, исполнительной и судебной власти Ленинграда и области;

- повышение нравственных устоев жителей Ленинграда и области;

- сохранение и приумножение культурных богатств Ленинграда и области;

- создание условий для пропаганды культурного наследия и оказание помощи в развитии современных искусств;

- повышение благосостояния жителей, удовлетворение их материальных и духовных потребностей;

- кардинальное оздоровление окружающей среды не только путем восстановления экологического равновесия природы, но и путем активного преобразования принципов промышленного развития Ленинграда и области;

- равноправное и деловое сотрудничество всех проживающих в городе и области вне зависимости от национальной принадлежности.

2. ПРИНЦИПЫ И МЕТОДЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЛНФ

Основными формами работы ЛНФ служат:

- участие в формировании и деятельности

органов Советской власти от выдвижения кандидатов в Советы всех уровней до оказания им практической помощи в защите и выражении интересов трудящихся;

- проведение дискуссий, митингов, демонстраций;

- опросы общественного мнения и проведение референдумов;

- подготовка материалов, отражающих различные актуальные проблемы Ленинграда и области и страны или отдельных регионов.

9. ЛНФ тесно сотрудничает с Советами народных депутатов, а также с государственными и другими учреждениями и общественными организациями в решении вопросов, предусмотренных Программой и Уставом ЛНФ.

10. ЛНФ не подчиняется каким-либо организациям и учреждениям. В то же время общественные организации (в том числе и Коммунистическая партия) и учреждения сотрудничают с ЛНФ и могут влиять на деятельность ЛНФ через посредничество своих членов-участников (деятельности) ЛНФ.

11. Осуществляя намеченные Программой и Уставом задачи, ЛНФ сотрудничает с общественными организациями, проводит совместные акции и другие мероприятия.

12. ЛНФ всесторонне содействует работе народного контроля, способствует его эффективности, а в случае необходимости участвует в его мероприятиях.

13. ЛНФ систематически предоставляет печати и другим средствам массовой информации материалы и сообщения о своей деятельности, об установленных фактах бюрократизма, произвола, беззакония и бесхозяйственности, способствует их устранению.

14. ЛНФ подготавливает к печати и издает информативные материалы и другие издания по вопросам организации и деятельности ЛНФ.

15. ЛНФ издает свою газету. Ее редактора и редколлегию избирает съезд ЛНФ. Они подотчетны только съезду ЛНФ (кроме финансовой деятельности).

16. ЛНФ сотрудничает с другими, сходными по своим задачам организациями и движениями в республиках и регионах СССР, а также за рубежом.

17. В случае необходимости, для решения задач, стоящих перед ЛНФ, могут быть образованы акционерные общества, кооперативы, организованы и проведены выставки, аукционы, лекции, концерты.

18. Вся практическая деятельность ЛНФ осуществляется на основе действующего законодательства СССР.

3. СРЕДСТВА ЛНФ

1. Вся работа ЛНФ осуществляется за счет

собственных средств, источниками их образования могут быть:

- добровольные денежные взносы и отчисления организаций, а также отдельных граждан;

- доходы от производственной деятельности ЛНФ, проведения аукционов, лотерей;

- поступления от благотворительных вечеров и других мероприятий, проводимых в пользу ЛНФ.

2. Денежные средства расходуются по сметам, которые утверждаются правлением ЛНФ и направляются на следующие нужды:

- осуществление программ, соответствующих задачам ЛНФ;

- оплата хозяйственной, организаторской и другой деятельности ЛНФ.

3. Председатель, Совет, правление и члены ревизионной комиссии свои обязанности выполняют главным образом на общественных началах. ЛНФ возмещает им фактические расходы, связанные с выполнением этих обязанностей. В исключительных случаях Совет может определять им зарплату.

4. ЛНФ может иметь своих штатных работников, принятых для выполнения организаторских и технических обязанностей.

5. Штатные работники ЛНФ не могут занимать выборные должности ЛНФ, выбранные на должности члены ЛНФ не могут занимать штатные должности.

4. РУКОВОДЯЩИЕ ОРГАНЫ

1. Высшим органом ЛНФ является общее собрание (конференция) членов, которое созывается не реже одного раза в год.

2. В функцию общего собрания входит:

- утверждение и изменение Устава ЛНФ;

- избрание Совета и его Председателя;

- избрание Ревизионной комиссии;

- заслушивание и утверждение ежегодного отчета Совета;

- определение основных задач ЛНФ, утверждение долгосрочных программ;

- кооптирование новых членов Совета.

3. Совет ЛНФ состоит из 15 членов и действует по поручению общего собрания в

перерывах между собраниями.

4. Совет избирается на собрании и может обновляться, в зависимости от активности его членов, на любом из общих собраний, но не более, чем на четверть.

5. На всех этапах выборы осуществляются путем тайного голосования.

6. В функции Совета входит:

- подготовка и проведение общего собрания;

- разработка общих направлений деятельности ЛНФ, направленных на выполнение долгосрочных программ;

- разработка решений по спорным вопросам;

- заслушивание и утверждение годовых (полугодовых) отчетов Правления и Ревизионной комиссии.

7. Совет правомочен принимать решения, если на его заседании присутствует более половины членов. Решения принимаются открытым голосованием простым большинством присутствующих.

8. Выборы Председателя, Совета, Правления и Ревизионной комиссии проводятся тайным голосованием на общем собрании членов ЛНФ.

9. Правление является исполнительным органом Совета и осуществляет повседневное руководство деятельностью ЛНФ.

10. В состав Правления ЛНФ входит: Председатель, два его заместителя, казначей-экономист, секретарь-архивист.

11. Правление

- представляет ЛНФ во взаимоотношениях с государственными и общественными организациями и гражданами;

- согласовывает свои программы и основные мероприятия с заинтересованными министерствами и ведомствами, общественными организациями и местными органами;

- организует и проверяет выполнение решений собраний и Совета;

- руководит и контролирует подведомственными предприятиями, учреждениями, организациями, ячейками;

- распоряжается финансовыми и материальными средствами ЛНФ.

В. ПРЕСКОВСКИЙ

РЕПОРТАЖ

7 НОЯБРЯ В ЛЕНИНГРАДЕ ЧЕРЕЗ 72 ГОДА

Вчера я участвовал, вероятно, в самом знаменательном событии с 1917 года.

По призыву ЛНФ (Ленинградский народный фронт) и других демократических организаций у ТЮЗа (Театр юных зрителей), станция метро Пушкинская, с 7 часов утра 7 ноября начала формироваться колонна демократических сил города.

Я пришел к 7 часам 40 мин., народ уже был, пока немного, человек 250—300. Еще темно. Но первое, что поразило, — это обилие самодельных, очень часто наивных, непрофессиональных по изготовлению и совершенно необычных для советского государства лозунгов и транспарантов, флагов и штандартов. Это и трехцветные Русские

флаги, их было больше других, и национальные флаги всех республик, это и зеленые экологов и даже черные анархистов. Лозунги и транспаранты тоже были разные: от экологических до "НЕТ КПСС — на монополию власти" и "Долой партократию!". Много наивных и не совсем грамотных, но честных и искренних. Одна пожилая женщина, например, держала самодельный плакатик на палочке с куском картона, на котором было коряво написано: "Горбачев, подними народ с колен". Некоторые подходили к ней и пытались объяснить, что это не совсем понятно, но она отвечала: "Не трогайте меня, у меня больше ничего нет, а написала я губной помадой, которую нашла у себя в старых вещах".

У всех было хорошее, приподнятое настроение. Все группировки и течения мирно соседствовали, обменивались шутками. Тут же продавались различные газеты, листовки, конечно, самиздатские. Диапазон? От экстремного выпуска "антиСоветской Правды" и материалов конференции демократических сил в Ленинграде (сентябрь) до газеты анархистов "Черное знамя".

Количество людей очень быстро увеличивалось. Подходили люди разного возраста, многие с детьми. Пришла большая группа блокадников со своими лозунгами и призывами (у них тоже масса проблем). Была и группа участников общества "Мемориал" со своим транспарантом "Помним ГУЛАГ".

Обстановка была очень здоровой, не было никаких экстремистских проявлений, не было хулиганских выходок и ни одного пьяного человека.

Приблизительно к половине десятого собралось очень много народа, я думаю, несколько тысяч человек. Соответственно прибавилось и лозунгов и призывов, шуток и смеха. Но порядка не стало меньше, было все очень мирно и спокойно.

Около 10 часов колонна начала формироваться в ряды и пришла в движение. От ТюЗа колонна вышла на Загородный проспект, повернула на Фонтанку в сторону Московского проспекта и у моста остановилась, пропуская проходившие колонны каких-то организаций и районов. Во главе колонны под огромным транспарантом на голубом фоне "Власть народу" шли представители ЛНФ и депутаты Верх. Совета Н. Иванов, А. Левашов, Болдырев, А. Щелканов, М. Е. Салье. О количестве людей можно судить по тому, что когда "голова" колонны остановилась на Фонтанке у Московского проспекта, "хвост" ее еще находился у ТюЗа.

То и дело через мегафоны раздавались призывы, которые народ бодро и шумно поддерживал: "Да здравствует советский народ, самый терпеливый в мире", "Да здрав-

ствует 72-я и последняя годовщина великой октябрьской революции!", "Долой 6-ю статью конституции!" (В этой статье записана руководящая роль КПСС. — *Прим. ред.*)

Через несколько минут мы продолжали движение, перешли мост и вновь по набережной Фонтанки дошли до Гороховой, ныне ул. Ф. Дзержинского.

Постоянно по ходу движения скандировались лозунги: "Многopатийность", "Нет партократии", "Свободу слова взамен гласности", "Да здравствует демократия!".

Были и цитаты из В. И. Ленина, например (по памяти): "Верх позора, партия у власти защищает своих мерзавцев", или — вот это я точно записал — "Надо уметь... пойти на всякие уловки, хитрости, нелегальные приемы, умолчания, сокрытие правды, лишь бы вести... во что бы то ни стало коммунистическую работу" (т. 41, стр. 38), или: "Пензенскому губисполкому: ...Провести беспощадный массовый террор против кулаков, попов и белогвардейцев, сомнительных запретить в концентрационный лагерь вне города" (т. 50, стр. 143) и другие.

Власти вели себя очень настороженно, озабоченно, но никаких провокационных действий замечено не было. Колонна была оцеплена в несколько рядов, первый ряд составляли курсанты МВД, далее морские курсанты, затем несколько цепей милиции. Это показывает, что подготовка со стороны властей была серьезной. Но милиционеры, стоявшие в цепи, были без резиновых палок, которые народ прозвал "демократизаторами".

Вот, скандируя лозунги, призывы, колонна вышла к Александровскому саду и подошла к Дворцовой площади. Первый раз за 72 года на этой площади было такое количество людей, объединенных желанием освободиться от пут догм, обрести свободу настоящую, а не ту, что проповедовали нам последние семь десятилетий бездарные политики, кровавые и властолюбивые авантюристы и карьеристы. Стремление к настоящей свободе было выражено однозначно.

Колонна, которой отвели самую дальнюю от трибуны полосу, скандируя: "Пролетарии всех стран — простите!", "Дадим право КПСС на отделение", "Многopатийности!", "Долой диктат КПСС!", "Долой 6-ю статью конституции!", перекрывая шум оркестра, вышла на середину площади. Курсанты МВД бросились расчленять колонну, частично им это удалось, образовался даже необычно свободный коридор..., но, видимо, кто-то одумался и дал команду на отбой. После прохождения колонны у театра им. Ленинского комсомола состоялся короткий митинг, выступали депутаты Верховного совета Левашов, Болдырев, Иванов.

От редакции: суд уже идет, но средства все еще очень нужны, поэтому мы печатаем это воззвание.

ВОЗЗВАНИЕ К РУССКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ

От Церковных, Исторических, Политических, Литературных, Казачьих, бывших Военных, Кадетских и Общественных организаций

Следует сокращенный текст и выдержки из воззвания в 22 страницы Николая Толстого.

ФОНД ЗАЩИТЫ ПРОТИВ НАСИЛЬСТВЕННОЙ РЕПАТРИАЦИИ

ЛОРД АЛДИНГТОН против НИКОЛАЯ ТОЛСТОГО

Призыв к Сбору Средств

3-го октября текущего года состоится процесс в Высоком Суде, в Лондоне, на котором Лорд Алдингтон выступает против меня и господина Нигель Уаттса, обвиняя нас в клевете в связи с брошюрой под заглавием **ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ДИРЕКТОРАТ ВИНЧЕСТЕР КОЛЛЕДЖА**. Текст описывает обвинения, относящиеся к Лорду Алдингтону, Администратору в то время Винчестер Колледжа, в связи с его ответственностью за управление операциями в Британской Зоне, в Австрии, в мае 1945 года, которые привели к смерти, пыткам, тюремным заключениям и порабощению около 75000 казаков и беженцев из Югославии от рук Сталинской и Титовской частей службы безопасности.

В то время Лорд Алдингтон был Бригадиром Тоби Лоу, Начальником Штаба Главной Квартиры 5-го Корпуса в городе Клагенфурте. В числе жертв были тысячи гражданских лиц, в особенности женщины и дети, тысячи старых эмигрантов, "Белых Русских", репатриация которых была запрещена всеми соответствующими политическими и военными директивами Союзников, и также военные части Королевской Югославской Армии, сражавшиеся вместе с Союзниками в течение всей войны. Кроме того, вся эта операция противоречила международному праву и в своей основе сознательно нарушала постановления Гаагской и Женевской Конвенций относительно обращения с мирным населением и военнопленными в оккупированной зоне. Брошюра заканчивалась рядом специфических вопросов, обращенных к Лорду Алдингтону, которые до сих пор остались без ответа...

...В результате, мне и господину Нигель Уаттсу предъявлено Лордом Алдингтоном обвинение в клевете на том основании, что содержание Брошюры по отношению к нему является клеветническим. В защите обоих, Нигель Уаттса и меня, утверждалось, что приведенные в Брошюре данные правдивы по существу и фактам и служат справедливыми показаниями в общественных интересах.

...Обращаясь к суду за директивами, Лорд Алдингтон просил приказания, чтобы Суд состоялся только перед Судьей. Мы были против этого требования и Суд отдал обычное приказание, чтобы судебный процесс происходил перед Судьей и присяжными...

...Некоторые спрашивают, к чему воскрешать в памяти преступления и трагедии, происходившие более сорока лет тому назад? Следует отметить, что меньшинство, готовое поддержать это мнение, требует, чтобы это было сделано в тех случаях, когда возникает вопрос о жестокостях, совершенных побежденными нацистскими врагами. В действительности, правительства всего мира, от Канады до Австралии, заняты в настоящее время установлением законной процедуры для преследования подозреваемых в нацистских военных преступлениях...

...Однако мы живем в свободном обществе, тайная полиция не препятствует нам выявлять перед мировым общественным мнением фактическую роль тех, кто устраивал эти массовые военные преступления. И однако в Восточной Европе, мужчины и женщины, борющиеся за правду, все еще стоят перед угрозой тюремных заключений, психушек и принудительных рабочих лагерей...

...Какое может быть сравнение? Наконец-то, после 43 лет подавления и замалчивания, нам представляется единственная возможность, которая никогда не повторится, выявить настоящее лицо данного преступления и трагедии. Мы располагаем доказательствами, у нас есть свидетели, отзывчивость общественного мнения, которое больше не довольствуется тем, как его заставляют думать его хозяева об этих вопросах. ВСЕ, что нам надо, это деньги, и только Вы можете нам их дать в этот критический момент! Если мы не достанем денег, Лорд Алдингтон и его окружение действительно смогут одержать триумфальную победу. Те, кто в конечном счете ответственны за катастрофу-холокост, окажутся оправданными перед всем миром, а само преступление будет выброшено, по советскому выражению, "на свалку истории"...

...Есть простой шаг, который простой, смелый человек может сделать — не принимать участие во лжи, не поддерживать ложных действий... как только ложь опровергнута, насилие будет обнаружено во всей его отвратительной наготе.

Вот почему я думаю, друзья мои, что в этот час испытаний мы способны помочь миру. У нас нет смертельного оружия, но пусть это не послужит оправданием. Не поддадимся благам удобной и благополучной

жизни. Вперед в бой!

В Соединенных Штатах и в Канаде были созданы независимые организации по сбору средств среди этнических и национальных общин и других сочувствующих во всем мире.

Члены Русской Национальной Общественности приглашаются обращаться к Mr. Peter N. Koltypin, 251 First Avenue, Stratford, CT 06497. Tel.: (203) 378-4253.

Члены Словенской Национальной Общественности приглашаются обращаться к Mr. Ivan Palcic, 224 Charlotte Street, Hamilton, Ontario, L8K 4V6, Canada.

Члены Украинской Национальной Общественности приглашаются обращаться к Mr. John B. Gregorovich, Z8 Riverview Gardens, Toronto, Ontario, M6S 4E5 Canada.

Члены Хорватской Национальной Общественности приглашаются обращаться к Mr. Ante Belio, 2218 Josephine Street, Sudbury, Ontario, P3A 2N2, Canada. Tel.: (705) 566-3764.

Выдержка из интервью с чекистом (КГБ) Капитаном Соловьевым, который в 1945 году был советским офицером, ему была поручена организация принудительной репатриации (Советская Телевизионная передача, 19-го декабря 1988 года).

...*"Передача началась. Первый грузовик подошел. Откидной борт открылся, грузовик повернулся к мосту, который служил демаркационной линией, крышка была снята и*

откидная доска была спущена. Английские солдаты помогли Краснову выйти. Он вышел и его привели туда, где мы стояли. Краснов сказал: "Англичане нас предали! Вот как вы победили! Если бы не эта измена, мы бы еще сражались!"...

Не забудем слова нашего легендарного военного и литературного героя Генерала Петра Николаевича Краснова во время его выдачи и взятия в плен: *"Мы бы еще сражались!"*. Эти слова должны быть призывом для всех людей на свободе, любящих правду, свободу и справедливость. А для нас, людей русского происхождения и стоящих за антикоммунистические идеалы, это призыв к объединению всех наших сил для сбора необходимых средств, чтобы помочь Николаю Толстому. Он принял на себя безмерно трудную задачу и смелую ответственность за судебный процесс, начатый одним из виновников в смерти сотен тысяч наших отважных соотечественников, оставшихся верными "Идеалам Белой Армии" в непримиримой борьбе против коммунизма.

Теперь все зависит от вас! Жертвуйте щедро!

Пожалуйста, посылайте чеки и денежные переводы на имя и по адресу: Forced Repatriation Defence Fund, P. O. Box 281, Avenel, NJ 07001 USA.

Копия брошюры в двадцать две страницы высылается по требованию.

Митрополит Виталий, Первоиерарх Русской Православной Церкви Заграницей, Епископ Иларион, викарий Восточно-Американской Епархии, и еще 18 подписей.

ТОРЖЕСТВО В ПАРИЖЕ

Письмо в редакцию

В начале октября мне случилось быть в Париже, где я имею добрых знакомых. А когда русский эмигрант из других мест приезжает в столицу Франции, он непременно идет в православный собор на улице Дарю. Пошла в ближайшее воскресенье и я.

Во дворе храма я не без удивления увидела афишу, сообщающую, что Объединение имени Святого Владимира Кирилловича устраивает в субботу 7-го числа собрание в Сорбонне в пользу верующих в подъяремной России.

С удивлением потому, что в "Русской Мысли" об этом не было ни строчки! А уж, казалось бы, — разве не достаточно важное событие для русского Зарубежья?

Парижский Университет я знаю хорошо; когда-то — ах, как давно уже! — я там посещала некоторые лекции. Вот я туда и отправилась в назначенный день и попала как раз к двум часам с половиной, когда намечалось начало.

Узенькая rue de La Sorbonne поразила меня своим видом. Обычно она безлюдна, но тут... Мне пришли на память стихи Брюсова:

Улица была как буря. Толпы проходили,
Словно их преследовал неумолимый рок.

С двух сторон устремлялись струи народа, образуя у номера 17 поворот, который с трудом сдерживал усиленный наряд полиции. Протиснуться внутрь через дверь оказалось нелегко.

Пересекши двор, очутилась я в амфитеатре Ришелье, — одной из самых больших зал Сорбонны, — но... места в ней уже не было. Еле-еле устроилась я между двумя дамами, весьма неохотно пододвинувшимися на своей скамье; одна из них являлась, видимо, журналисткой, так как тщательно стенографировала речи ораторов. Впрочем, как я огляделась, — стенографировали очень многие; а позже взялись за дело и фотографии, и вспышки магния поминутно загорались в разных концах помещения.

С опозданием я заметила у себя за спиной и по бокам просторные хоры, в тот момент еще полупустые, где бы удобнее можно было сесть; но вскоре и они заполнились публикой до отказа. Сколько было присутствующих? Я пробовала сосчитать; но, дойдя до 1000, бросила. А прилив продолжался; вряд ли не столько же прибыло потом и еще.

Из русских я, однако, мало кого знакомых заметила; двое-трое человек из второй эмиграции, а из первой — К. А. Ельчанинова, хорошо всем известного деятеля Русского Студенческого Христианского Движения. Впрочем, присутствие РСХД ощущалось и иначе: в зале раздавались листовки, и почти у всех слушателей мелькали в руках конверты с надписью ACER (Association Chrétienne des Etudiants Russes).

Едва я успела сесть, все вскочили на ноги: повились и заняли места в первом ряду Великий Князь в сопровождении жены и дочери, окруженные свитой и друзьями. Владимир Кириллович, которого я не видала уже лет 20, совершенно не изменился; мало перемен и в Его супруге, Великой Княгине Леониде Георгиевне. Зато Мария Владимировна, которую я помнила очаровательным ребенком, превратилась в красивую молодую женщину в расцвете сил. Жаль, — хотя и совершенно понятно, конечно, — что не было с нею ее сына, 8-летнего Георгия Михайловича. Но ему, надо полагать, политические собрания еще не интересны.

На трибуне ораторы сменялись один другим. Точнее, они все сидели за одним столом, и только микрофон переходил от одного к другому. Не стану пытаться изложить их выступления: на это места никак не хватило бы. Ограничусь кратким перечнем участников. Их можно разбить на несколько категорий:

Католический священник Ж. Р. Армогат и два православных, о. В. Шибаев и о. Б. Бобринский (в скобках заметим, граф Бобринский и прямой потомок Екатерины Великой!), три русских профессора французских университетов, в Париже — Н. Лосский и граф М. Соллогуб, и в Ренне — князь Д. Шаховской, два французских слависта А. Безансон и Э. Каррер д'Анкокс (кстати сказать, вообще-то не слишком благосклонных к России и к русским! Но их участие здесь можно только одобрить) и два историка, Ж. П. Бесс и князь П. Мурузи; председательствовал профессор П. Шоню. Присутствовали, как я вижу из программы, и видные французские политические деятели, вице-председатель Сената П. К. Тетенже и А. Перфит.

Все речи встречались бурными аплодисментами. Успех собрания, безусловно, был огромный; надо думать, — в том числе и в финансовом отношении.

Но, о диво! В "Русской Мысли", и постфактум даже, — ни слова! Вспоминается Крылов: "Слона-то я и не приметил".

Ведь о всяких вовсе незначительных докладах, выставках и повседневных событиях там печатаются отчеты, и порою — предлинные! Очевидно, парижская русскоязычная газета решительно не сочувствует верующим в России и относится неодобрительно к оказанию им помощи...

Посмотрим, однако, на тех, кто этому делу активно отдает свои усилия. Вот имена, выделяющиеся среди возглавляющего Объединение комитета: царь Симеон Болгарский, эрцгерцог Отто Габсбургский, принц Сикст-Генрих Бурбон-Пармский, граф Клермонский (сын графа Парижского, претендента на французский престол), принц Александр Югославский, принц Филипп Лихтенштейнский, архиепископ Антоний Женевский, протоиерей Алексей Князев (профессор библейской истории и древнееврейского языка в парижском Богословском институте и позже директор этого института); затем — известные французские писатели: Ж. Л. Кюртис (автор замечательного романа о Резистансе, "Ночные леса"), драматург Э. Ионеско, П. Шендерфер (по роману которого "Прощание с королем" поставлен фильм, идущий сейчас с большим успехом), Ж. Лартеги (известный блестящими описаниями войны в Индокитае) и, наконец, В. Волков (этот, хотя и пишет по-французски, на деле-то наш соотечественник, и хорошо нам всем знаком по романам "Перевербовка", "Операция Твердый Знак" и "Царские люди"). Без преувеличения — лучший цвет нынешней французской литературы!

Как курьез, отметим еще в списке (он чересчур длинный; целиком его не приведу!) имена графа М. де Рогана, потомка герцогов и некогда королей Бретани, и П. Плонкетта, фамилия которого занесена на скрижали Ирландии, среди борцов и мучеников за ее независимость.

Подлинно, если в деле помощи России, — а верующие не представляют ли собою самый драгоценный элемент ее населения и не являются ли залогом более светлого ее будущего? — сплотилась высшая аристократия Восточной и Западной Европы, равно аристократия крови и аристократия духа, не оправдывает ли это самых радужных для нас надежд?

Что же до тех, кто это великодушное и благородное движение замалчивает и бойкотирует, не скажем "Бог с ними!" — ибо Бог, определенно, не с ними; но выразим уверенность, что мы и Россия без них обойдемся.

В издательстве "Третья волна" вышла из печати книга

**Д. Штурман
"ГОРОДУ И МИРУ"**

— анализ публицистики А. И. Солженицына, 432 стр.

В книге проанализированы публицистические выступления Солженицына до его изгнания из СССР и после него, его отношение к социализму, коммунизму и демократии, к Западу, к будущему своей страны и мира, его позиция в национальном вопросе, его взаимоотношения с некоторыми течениями диссидентства.

Книгу можно заказать по следующим адресам: 1) Mr. Alexandre Glezer (c/o Marie-Therese de Foras) 215, rue du Faubourg St. Honore, 75008 Paris, France; 2) Mr. Alexandre Glezer, 286 Barrow Str, Jersey City, N. Y. 07302, USA

Цена книги 25 долларов

НОВАЯ КНИГА,
посвященная 1000-летию Крещения Руси и Русского народа,
ВАЛЕНТИН ЗАРУБИН

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ

Сборник избранных национально-патриотических статей из двенадцати периодических эмигрантских изданий. 293 стр., 27 н. м., 16 ам. долл.

Заказывать у автора: V. Zarubin, Leopoldstr. 69, 8000 München 40, West Germany

Издательством "Поиски" переиздана книга незаслуженно забытого крупнейшего
русского ученого-экономиста Б. Д. БРУЦКУСА

СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

Теоретические мысли по поводу русского опыта

с предисловием, комментариями и послесловием В. Сорокина и Д. Штурман, пояснительной статьей лауреата Нобелевской премии по экономике Ф. А. Хайека и др. материалами.

Цена книги 72 фр. фр. Чеки направлять по адресам:

1) Victor Sorokine — 5, bd. de la Gare, 94470 Boissy-St.-Léger, FRANCE, и S. Tictin — Greenspan Str., 12/6, Misrahk Talpiot 422, Jerusalem 93802, ISRAEL

**ВЕРОНИКА АРЕНС-ПУЛАВСКАЯ
GLOBUS — A SLAVIC BOOKSTORE**

Предлагает книги, напечатанные эмигрантскими издательствами. Имеются новинки, старые редкие книги, журналы, газеты, открытки, пластинки, кассеты, плакаты. Разыскиваем редкие книги по заказам. Выполняем заказы по почте. Адрес: 332 Balboa str., San-Francisco, CA 94118, USA. Телефон: (415) 668-4723. Магазин работает ежедневно, кроме воскресенья, с 10 до 6.

Главный редактор: В. Пирожкова * Verantwortlich für den Inhalt: V. Piroshkow
Адрес редакции: V. Piroshkow, Einsteinstr. 104/III, D — 8000 München 80, Deutschland
Банковский счет: Hypotheken- und Wechselbank, 8 München, Konto Nr. 2760094318

За статьи и письма, подписанные фамилией
или псевдонимом автора, редакция не отвечает

Перепечатка разрешается, но с указанием источника

Druck: "Express", Jerusalem

